

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР ТАНДЕМ

Эдгар Грант

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдгар Грант

Неестественный отбор. Тандем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51762443

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман завершает трилогию «Неестественный отбор». Закончилась вулканическая зима, вызванная извержением Йеллоустона. В мире выстраивается новая система международных отношений. Но из прошлого все еще всплывают разрушительные проекты, запущенные США до катастроф. Они снова могут ввергнуть мир в хаос. Что надо сделать, чтобы сохранить хрупкий мир? Какая сила стоит за драматическими событиями последних десятилетий? Как выстроится новая архитектура глобальной безопасности? Какое место займут в ней ведущие державы? Ответы вам подскажет этот роман.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Апрель 2035 года. Украина. Львовская область.	4
Калинов. База армейской авиации Вооруженных сил Украины	
Киев. Жуляны. База Центра специальных операций СБУ Украины	29
Москва. Ситуационный центр ФСБ	45
США. Нью-Мексико. Секретная база Далси	49
Украина. Киев. Жуляны. База ЦСО СБУ	62
Китай. Пригород Шанхая Хучжоу. Штаб-квартира ООН	79
США Нью-Мексико. Санта-Фе	115
Россия. Московская область. Ново-Огарево. Загородная резиденция Президента России	131
США. Нью-Мексико. Секретная база Далси	145
Фиджи. Остров Вити-Леву. Сигатока	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Эдгар Грант Неестественный отбор. Тандем

**Апрель 2035 года. Украина.
Львовская область. Калинов.
База армейской авиации
Вооруженных сил Украины**

Как только легкий транспортник, надрывно гудя турбинами и качаясь из стороны в сторону под порывами ветра, пробил нижний слой облачности, Морган прильнул к иллюминатору. Под крылом раскинулся мрачный серый пейзаж Западной Украины. Холмы, перелески, поля, когда-то приносившие богатый урожай, а теперь заросшие бурьяном, редкие заброшенные хуторки и вымершие деревни – все выглядело унылым и дышало запустением и безысходностью. Последний раз он был в этих местах тринадцать лет назад в составе группы консультантов ЦРУ, готовивших Украину к применению грязной бомбы по территории России.

В то время «нэзалэжна» была очень популярным местом

для американских спецслужб, плотно курировавших хорошо прикормленных националистических марионеток, захвативших власть в Киеве. Тогда казалось, что после двух долгих десятилетий напрасных потуг ЦРУ, наконец, удалось провести в Восточной Европе хоть одну успешную масштабную операцию. Этот успех считался особенно значимым потому, что был достигнут в противоборстве с заклятым врагом – Россией и, самое главное, у ее границ.

Основные цели операции на тот момент казались выполненными. Вначале Украина окончательно отошла от своего восточного соседа и начала движение по «западному пути». Подписала договор об ассоциации с Евросоюзом, договор о сотрудничестве с НАТО, стала стратегическим внеблоковым партнером США. Внутри страны бурно расцветал махровый нацизм, направленный против русских братьев. Ее армия набирала мощь и силу, готовясь отвоевать присоединенные Москвой в 2014 году территории. События развивались по позитивному сценарию. Особенно радовало то, что платить за выстраивание нацистской диктатуры на Украине пришлось Европе, которую Америка назначила ее главным экономическим донором.

Были, конечно, и неприятные моменты. Вопреки всем прогнозам вашингтонских аналитиков, России удалось присоединить к себе Крым и создать на востоке Украины хорошо организованный очаг сопротивления киевскому режиму. Позже в 2022 Москва ввела войска чтобы защитить населе-

ние Донбасса. Началась самая масштабная война на континенте со времен Второй Мировой. Это госдеп тоже преподнес как большую победу. Еще бы, непосредственно на границе с Россией спровоцирован крупный военный конфликт выгодный США. Обвинив в Москву в агрессии, Америка ввела против нее санкции. Более того, США заставили присоединиться к ним и полностью потерявшую к тому времени политический и экономический суверенитет Европу, которой конфликт с Россией был крайне невыгоден.

Нацистской верхушке в Киеве война тоже была выгодна, на которую они на волне националистической истерии списывали все новые и новые провалы в экономике и огромный ущерб, который понесла страна, отказавшись от партнерства с Россией в пользу Европы. К тому же, представилась уникальная возможность разворовывать иностранную помощь, которая десятками миллиардов шла с Запада на поддержание конфликта.

В общем, для США ситуация на Украине складывалась как нельзя лучше. Ее апофеозом, конечно, стала Специальная военная операция России, в результате которой она на несколько лет увязла в кровавом конфликте с киевским режимом. Главная цель США в Европе была достигнута. Немоощные европейские лидеры, толкаемые в спину Вашингтоном, по сути, разорвали отношения с Москвой, тем самым закончив период процветания европейских стран, в основе которого лежали дешевые российские энергоресурсы. Убить

экономики ЕС и подчинить их себе, оторвав от России, как раз и было второй целью США в развязывании украинского конфликта.

Правда, в то время общую картину портило то, что не была выполнена программа максимум в отношении Москвы. Ей удалось сохранить свою экономику, устойчивую политическую систему и суверенитет. Обидным фактом было и то, что после СВО Россия приросла новыми регионами и увеличила свой авторитет и влияние в мире за счет выдавливания США с позиции мирового лидера.

После конфликта с Россией Украина потеряла значительную часть территорий и финансирования Запада и превратилась в нищую страну с разрушенной войной экономикой, озлобленным на весь мир населением и насквозь коррумпированной властью.

Западные спонсоры поняли, что Киев свою задачу выполнил и, видя, как разворачиваются их средства, значительно сократили помощь. Причем, это были не мелочи вроде «они там все воруют». С этим в Вашингтоне и Брюсселе давно свыклись и принимали как должное. Оказалось, что война с Россией фактически уничтожила промышленность страны. Украина стала банкротом, у которого не просто нет средств, чтобы продолжать противостояние с восточным соседом, их не хватает даже на обеспечение хотя бы минимальной дееспособности своей финансовой системы и основных институтов государства. Выяснилось, что десятки миллиар-

дов долга Западу надо отдавать, а еще чем-то платить за газ и нефть, идущие из России.

Зализав раны от военного поражения и поняв, что помощи от Европы и США ждать не стоит, Киевская власть была вынуждена обратиться к Москве за помощью. Постепенно возобновились прямые двусторонние контакты. Кремль, видя, что действия развиваются по вполне благоприятному для него сценарию, занял спокойную, выжидательную позицию. Российский МИД откровенно высмеивал на всех международных площадках глупые и необдуманные действия Запада в отношении Украины, ставшие причиной упадка его экономики, потери международного влияния и укрепления партнерства Москвы и Пекина.

Тем временем экономическая ситуация на Украине продолжала ухудшаться. Несмотря на значительные потери населения результате боевых действий и массовой миграции у Киева, жившего за счет подачек Запад, не было средств для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальный уровень жизни. В конце концов чаша народного терпения переполнилась, и сотни тысяч киевлян собрались на новый Майдан, требуя отставки президента и правительства. Это были не оплаченные госдепом и ЦРУ глупые подростки, студенты и обдолбанные заокеанскими проповедниками националисты, приехавшие из западных областей для участия в хорошо организованных протестах. На улицу стихийно вышли взрослые, серьезные люди разных профессий, ветераны войны,

которые устали, разрухи, воровства и глупости властей. Им просто нечем было кормить свои семьи, мерзнущие в плохо отапливаемых домах.

Простояв на Майдане три дня и видя, что ни правительство, ни президент никак не реагирует на их требования, толпа двинулась по хорошо знакомому маршруту к зданию президентской Администрации. Там колонну вместо Национальной гвардии, сразу заявившей, что она не будет участвовать в разгоне протестов, встретил заслон из бойцов националистических батальонов в полной боевой экипировке. Видя наведенное на них оружие, люди на секунду в оцепенении замерли. В опустившейся на улицу тишине было хорошо слышно, как откуда-то сзади с чердаков близлежащих административных зданий раздалось несколько приглушенных выстрелов. Три бойца из оцепления, корчась от боли, выпали из плотного строя, заливая холодную брусчатку кровью.

Почти сразу же прозвучала команда «Огонь!». И больше сотни стволов выплюнули в сторону протестующих лавину свинца.

В тот день на Украине окончательно умерла так и не родившаяся европейская демократия.

Европа, ужаснувшись морю крови, пролитому в Киеве, и репрессиям, прокатившимся по всей стране, проямлив что-то про утерю киевскими властями доверия, признала режим диктаторским и отказала во всякой помощи и поддержке.

ке. США, публично осудив кровавую бойню, все же продолжали тайно финансировать наиболее дееспособные элементы силовых структур Украины, но с этого момента киевский режим формально был предоставлен сам себе.

Сохраняя видимость единого государства с номинальной столицей в Киеве, страна стала разваливаться на отдельные полуфеодальные княжества, в которых к власти пришли командиры националистических батальонов самообороны, предварительно зачистив местных политиков и не успевших сбежать бизнесменов.

Но не выход из-под контроля Украины и присоединение Россией новых территорий были для Америки самым большим ударом. США потерпели серьезное стратегическое поражение на главном фронте. Введенные Америкой и поддержанные Евросоюзом санкции против России дали абсолютно неожиданный эффект. Вместо того чтобы подорвать авторитет российского президента и привести к смене власти, они консолидировали вокруг него подавляющее большинство россиян. Бессмысленное грубое давление США перечеркнуло десятилетия тонкой и в общем успешной работы предыдущих администраций по созданию в России положительного имиджа Америки, продвижению среди россиян западных моральных, демократических «ценностей».

Специальная военная операция на Украине и последовавшие за ней беспрецедентные западные санкции спровоцировали в России невиданный всплеск патриотизма и сплотили

подавляющую часть населения вокруг президента. Россияне вдруг поняли, что Америка и подконтрольная ей Европа вовсе не являются друзьями. Что коллективный Запад – это смертельный враг, преследующий в отношении России единственную цель – полное уничтожение ее государственности.

Уникальный шанс «западизации» русских, появившийся после развала СССР, был окончательно утрачен. Стало очевидно, что Россия идет своим независимым путем без оглядки на США. Операция по защите русских на Украине, успешное применение военной силы на Ближнем Востоке, остановившее там разгул террора и предотвратившее развал Сирии и Ирака, было тому лучшим подтверждением.

Поняв, что происходит, стратеги американской внешней политики кинулись к заканчивающему свой срок престарелому президенту, который вначале вяло, а затем все более активно стал искать восстановления отношений с Москвой. Но было поздно. Америке и Европе в глазах россиян был нанесен непоправимый ущерб. Идеологическая война по продвижению западных ценностей в России была полностью проиграна.

Введенные Америкой и Европой санкции имели еще и экономические последствия. Десятилетиями Россия пыталась провести структурные изменения в экономике, чтобы снять ее с нефтегазовой иглы. Но все как-то не получалось: то ли желания реального не было, то ли мешали мощные лоббистские группы, то ли просто отсутствовал серьезный сти-

мул. С введением санкций этот стимул не только появился, он перерос во вполне конкретную политическую волю, пере-силлив и пассивность правительственных чиновников, и со-противление сырьевых лоббистских групп. Теперь у Москвы была конкретная цель – экономическая и финансовая неза-висимость от Запада, пусть даже ценой ускоренной и по-рой не совсем выгодной России интеграции с такими гло-бальными экономическими монстрами, как Китай и Индия. В результате в России за относительно короткое время был совершен серьезный технологический и инфраструктурный рывок, позволивший ей выйти из разряда «сырьевых» эко-номик.

В условиях открытой конфронтации с Западом измени-лась и внешняя политика Москвы. После СВО отношения с Европой, на глазах у всего мира отдавшей свой суверенитет США, перестали быть стратегическим приоритетом. На сло-вах вроде все оставалось по-прежнему: добрые соседи, по-степенно восстанавливающийся товарооборот, общее куль-турное пространство. На деле же именно в это время Россия вместе с Китаем, который тоже почувствовал на себе дав-ление США, заложили то, что потом мировые политики бу-дут называть «тандемом» – прочный экономический и во-енно-политический союз, основанный на реальной общно-сти интересов. Не ценностей, которые у каждой развитой ци-вилизации с глубокими историческими корнями могут быть своими, а именно интересов.

А еще в основе этого мощного союза было наличие общего врага.

Начало сближения России с Китаем и последующее укрепление БРИКС произвело на глобальной арене тектонический сдвиг в сторону от США в направлении нового центра мировой силы, который через шестнадцать лет полностью изменит политический пейзаж на планете.

А все начиналось с, казалось бы, успешной операции американских спецслужб по захвату власти в Киеве и провоцированию войны с Россией. Кто мог тогда подумать, что через полтора десятка лет эта авантюра выльется Америке в десятки миллионов потерянных жизней и практически полное разрушение страны.

Сложное было время, но чертовски интересное.

Именно тогда, пользуясь полным контролем киевской верхушки, в Украину для подготовки грязной бомбы была направлена группа специалистов ЦРУ, в состав которой входил и агент Морган. Ее основными задачами были уточнение наличия готовых к применению ядерных материалов и технологий. К тому же стоило проверить меры безопасности на ядерных объектах, потому что США всерьез начали опасаться, что, понемногу выходящая из-под контроля Украина, может в тайне от своих хозяев торговать ядерными материалами на черном рынке.

И вот теперь уже изрядно поседевший, но все еще поддерживающий хорошую физическую форму специальный агент

Морган снова здесь. И снова его миссия связана с ядерным оружием.

Тяжелогруженный транспортник коснулся взлетной полосы и, постукивая шасси на давно не отремонтированных стыках бетонных плит, покатился в ее конец. Большую часть доставленного на Украину груза составляли медикаменты, поставляемые по линии гуманитарной помощи ООН. Здесь свирепствовала очередная эпидемия то ли гриппа, то ли ковида. Но среди паллет с грузом был и небольшой контейнер, за который отвечал Морган и его команда.

Самолет остановился на дальней стоянке. Пока двигатели гасили обороты, к нему подкатили четыре БТРа, из которых высыпали довольно неплохо экипированные бойцы и оцепили периметр.

– Идиоты. Когда они, наконец, научатся четко выполнять инструкции, – выругался вслух Морган, глядя в иллюминатор.

Недовольно покачав головой, он поднялся и сделал знак своей группе. Пять оперативников из его команды, находившиеся в салоне, были одеты в легкую броню и вооружены штурмовыми винтовками.

– По местам. Все должно пройти тихо, но будьте начеку.

– Сэр, один из БТРов заблокировал самолет спереди, – сообщил пилот по внутренней связи.

– Не дергайся. Это друзья, – ответил в гарнитуру Морган, а про себя подумал, что таких друзей надо было свести под

ноль еще двадцать лет назад.

Группа, скрываясь за паллетами, заняла позиции в отсеке. Створки грузового люка пришли в движение, вместе с невесомой водяной пылью впуская в салон влажный, пахнущий прелой травой и авиационным керосином воздух чужой страны. Медленно выдвинулась и опустилась погрузочная аппарель. По ней с автоматами в боевом положении в отсек вбежали четыре бойца.

– Стоять! – вскинув руку, громко на русском выкрикнул, вышедший им навстречу Морган. – Кто старший?

Бойцы, проигнорировав приказ, двинулись внутрь и заняли позиции перед паллетами, контролируя пространство грузового отсека. Вслед за ними в самолет вразвалку поднялся высокий немолодой, но еще не потерявший легкости и какой-то угрожающей резкости движений человек в такой же, как и остальные бойцы, черной боевой экипировке без нашивок и знаков различия.

– Не шуми. Я старший, – по-английски с небольшим славянским акцентом сказал он и представился: – Полковник Руденко. Спецназ СБУ. Где груз?

– Подтвердите свои полномочия, – Морган протянул полковнику связанный со спутником полевой планшет, на котором светились два окошка ввода пароля.

– Все еще не наигрались. Мало вам задницы надрали москали с китайцами, – устало сказал Руденко, взял планшет и быстрыми движениями пальцев по сенсорному экрану ввел

пароль.

Ничего не ответив на колкость украинца, агент ввел свою часть пароля и получил подтверждение.

– Можете забирать груз. Ваш контейнер за первым рядом паллет, – сухо сказал Морган и отступил в сторону.

Полковник что-то рывкнул в рацию, и к аппарели подкатил погрузчик и добитый тентованный армейский грузовичок. Несколько бойцов оставили оцепление и принялись разгружать первый ряд паллет, чтобы добраться до нужного контейнера.

– Почему вы нарушили инструкции, полковник, – строго спросил Морган. – Мы же просили не создавать вокруг самолета лишней суеты. Никаких БТРов, никакой видимой вооруженной охраны. Тихо подъехали, погрузились и уехали.

– Ну конечно... Никакой охраны, – презрительно хмыкнул Руденко. – Здесь Украина, мужик. Здесь у каждого областного головы свое маленькое войско. Как только во Львове узнали, что на базу прибывает ооновский самолет с медикаментами, губернатор выслал сюда группу захвата из бойцов батальона местной теробороны. Их сейчас сдерживает мой кордон в пяти километрах отсюда. Стрельбы пока нет, но нацики сильно обиделись и вызвали подкрепление. Может, и артиллерию подтянут.

– Хэй, здесь же база армейской авиации Украины. Насколько я помню, здесь должен стоять седьмой отдельный вертолетный полк. Она должна хорошо охраняться, – уди-

вился агент.

– База армейской авиации? – невесело хохотнул эсбэушник. – А вы, когда садились, видели эту авиацию? Нет тут ни хрена. Вертолеты пожгли на Донбассе, а базу десять лет назад москали раздолбали «Калибрами». Все, что ты видел на полосе, два транспортника и пара вертушек, все мое. И охрана из местных – шакалье одно. Эту базу мои бойцы заняли вчера вечером. Подчистили тут все, выгнали всех оборванцев нахрен, чтобы вас разгрузить. Думали, сразу разбегутся, но пострелять все же пришлось.

– Вы же сами дали нам эту точку для разгрузки, – возмутился Морган, чувствуя, что официальное прикрытие операции разваливается на глазах. – Разве нельзя было выбрать место ближе к Киеву? То, что вы контролируете.

– Ни хрена мы не контролируем. А в Киев вас пускать с этим грузом, видимо, не захотели, – хмуро ответил полковник и, повернувшись к уже освобожденному от паллет контейнеру, коротко бросил: – Вскрывайте!

– Вы что! Это невозможно! – закричал Морган, видя, как один из бойцов достал из сумки огромный болторез. – Вы должны...

– Послушай, американец, я сам здесь решаю, что я должен, а что нет, – Руденко угрожающе надвинулся на агента. – Я не знаю, кто ты и каков твой статус. Мне на это насрать. Я знаю, что вы хотите, чтобы то, что находится в этих контейнерах, попало по назначению, и я прилетел сюда, чтобы это

сделать. Если вы против, хрен с вами. Я сейчас пакую своих людей и валю отсюда, а вы останетесь с вашим долбаным грузом на растерзание местным отморозкам. Идет?

Ошеломленный Морган молчал, лихорадочно перебирая в голове варианты.

– Да, еще... У тебя наверняка есть пара крутых ребят в самолете, – уже спокойнее продолжил полковник. – Так не бери в голову дурных мыслей. У меня здесь рота спецназа, полдюжины захваченных на базе БТРов и два вертолета огневой поддержки. Не надо делать резких движений.

– Твою мать! – выругался по-английски Морган, который за всю свою долгую оперативную карьеру никогда не попадал в такую ситуацию. – Мне надо связаться с...

– Надо, так связывайся, – перебил его полковник. – А мы пока займемся делом.

Сухо клацнул болторез, срезая замок контейнера, и боек раскрыл металлические створки. Внутри на амортизирующей подушке в фиксирующем крепеже покоились продолговатые ящики из толстой фанеры.

– Вскрой крышку, – скомандовал полковник и, когда фанерная крышка одного из ящиков упала на пол, медленно проговорил: – Знакомая хрень... Так вот вы куда замахнулись. Теперь я понимаю, почему вас не пустили в киевские аэропорты.

Эсбэушник задумчиво поскреб подбородок, рассматривая бронированный контейнер с усиленной защитой от ра-

диации. Всего таких ящиков в контейнере было четыре.

– Ну спасибо за подарочек, американец. Ребятки, грузите все это в первый борт, – сказал он и оглянулся на Моргана, который что-то быстро говорил по спутниковому телефону.

В это время в США в оперативном центре контроля ЦРУ лихорадочно пытались связаться с контактным лицом в Киве, чтобы подтвердить полномочия полковника Руденко и получить хоть какое-то объяснение, почему он действует с нарушением инструкций. Контактное лицо в виде председателя СБУ что-то долго мычало в телефон, но, наконец, сообщило, что Руденко можно полностью доверять и, если он что-то предпринимает, то значит так и надо.

Чувствуя, что контроль над ситуацией полностью потерял, Морган спрятал спутниковый телефон и подошел к Руденко:

– Полковник, я надеюсь, вы знаете, что делаете. Меня только что заверили те, кто вас сюда послал, что вам можно доверять.

– Конечно. Мне можно доверять, – все еще раздумывая, согласился Руденко. – А вот можно ли доверять тем, кто послал меня принять четыре ядерных заряда, нихрена мне об этом не сказав, я пока не знаю.

– Послушайте, вы сами понимаете, насколько опасен этот груз. Надо, чтобы он был доставлен по назначению.

– Хм... Если он так опасен, нахрена вы его сюда притащили? – Руденко снова в нерешительности поскреб подбородок, и агент почувствовал, как по его спине пробежал непри-

ятный холодок.

– Полковник, не делайте глупостей, – перешел на настойчивый шепот Морган. – Контейнеры вы сами не вскроете. Они снабжены устройством самоуничтожения, управляемым со спутника. Более того, это устройство сработает через сутки, если не ввести код безопасности, который знают только те, кто вас сюда послал.

– Вот вы суки! Все продумали, – сквозь зубы процедил эсбэушник. – Ладно... Раз влез в это дерьмо, буду теперь разгребать его до конца. Слушай меня внимательно, *my friend*¹. Я сейчас грузу эти контейнеры и часть бойцов в один из моих транспортников и сваливаю отсюда. Одновременно снимется кордон, удерживающий местных фашиков. Они будут здесь минут через десять, бросают технику, грузятся во второй борт и тоже валят. Хочешь жить, взлетай сразу после меня. Я освобожу полосу, а пара моих вертолетов проследят, чтобы в тебя не пальнули чем-нибудь из зеленки.

– Хэй! Я должен доставить ооновский груз. Это часть легенды прикрытия, – с сомнением в голосе сказал Морган.

– Слабоватая у вас легенда. Видно, фантазии поубавилось. Слушай сюда... Взлетай как можно быстрее и бери курс на Киев. В Борисполе не садись – его контролирует один из местных батальонов. Проси посадки в Жулянах – это в городе. Аэропорт контролирую я. Мы тебя посадим. Там и разгрузишься.

¹ англ. мой друг.

– Но это не соответствует карте полета! – возмутился агент.

– Какая нахрен карта? У вас там что, мозги совсем отсохли? Это Украина, мужик! Здесь твои карты всем до сраки. Все. Хорош трепаться. Решай сам. Мне пора, – эсбэушник развернулся и зашагал вниз по аппарели.

– Слава Україні! – чуть помедлив, бросил ему вслед Морган, хотя сейчас ему больше всего хотелось разрядить в спину полковника свой пистолет.

– Да пошел ты! – не оборачиваясь, ответил Руденко и зло сплюнул на бетон взлетной полосы.

* * *

Этим же вечером оперативный дежурный ФСБ, сопровождающий операции по плану «Невод»², получил отчет, подготовленный аналитиками Центра обработки и анализа данных ФСБ. Отчеты такого уровня приходили довольно редко, потому что масштабных операций, охватывающих на глобальном уровне все виды информационной разведки и практически всю агентурную сеть, даже в лучшие времена проводилось мало. А вулканическая зима, продлившаяся почти четыре года, и вовсе заморозила деятельность разведок

² ГРАП «Невод» – глобальный разведывательно-аналитический план ФСБ России, позволяющий сфокусировать максимум разведресурсов по всему миру на выполнении приоритетной задачи.

по всему миру.

Увидев тему отчета, дежурный оживился.

Вчера в первой половине дня разведывательный спутник зафиксировал необычную активность в районе базы армейской авиации ВСУ Украины в Львовской области. По картинкам выходило, что взлетную полосу взяла под контроль группа вооруженных людей, приземлившихся на двух военных транспортниках. Судя по тому, что операцию поддерживали два вертолета, работала либо армия, либо одно из расплодившихся во множестве за последнее время спецподразделений. Такое в Украине случалось часто. Разношерстные местные полуофициальные вооруженные формирования постоянно резались друг с другом. Когда крови лилось слишком много, Киев посылал армию или спецназ, чтобы немного остудить страсти или просто накрывал всех бомбовым ударом с воздуха, чтобы не терять своих военных.

Система определила уровень важности события как не достойный внимания, передала сводку аналитикам, пустившим ее по команде наверх, и поставила объект на контроль.

Вечером из львовской области пришли агентурные сведения, что на базе в Калинове высадился спецназ СБУ, разогнал охрану, персонал и фактически ее захватил. При этом ничего особенного, что могло спровоцировать появление киевского спецназа, да еще при поддержке боевых вертолетов, в районе не происходило. После анализа этих данных статус объекта повысился, и он был переведен в режим постоянно-

го наблюдения.

Ночью из Львова в направлении Калинова вышла колонна с бойцами территориального батальона, но в пяти километрах от базы была остановлена заслоном спецназа СБУ. К этому моменту агентура сообщила, что в Калинов из Польши ожидается прибытие транспортного самолета ООН с гуманитарной помощью. Поскольку любое упоминание Польши для украинского отдела ФСБ действовало как красная тряпка (если поляки сунулись в Украину, то ничего хорошего не жди), был выделен специальный оперативник, который начал целенаправленно отслеживать информацию и координировать работу с агентурой.

Около полудня, когда приземлился ооновский борт, на него уже была направлена не только мощная термооптика разведывательного спутника, но и несколько разнокалиберных камер коптеров запущенных местными агентами и дающих картинку в довольно хорошем разрешении с разных точек украинской базы.

Поначалу все это было очень похоже на захват груза. В этом тоже не было ничего необычного. Армия, нацгвардия, полиция, территориальные батальоны нещадно грабили гуманитарную помощь, посылаемую в обнищавшую Украину. Спецназовцы сразу заблокировали самолет БТРами и начали разгружать паллеты. Но разгрузка быстро закончилась. К транспортнику подкатил бортовой грузовичок, видимо, реквизируемый на базе, в него вкинули четыре небольших

продолговатых фанерных ящика и перегрузили их в спецназовский транспортник. После этого часть бойцов погрузилась в самолет, и он благополучно улетел на базу спецназа СБУ в Киеве.

Сразу после этого, оставив на стоянке несколько уже выгруженных паллет, ооновский борт в спешке вырулил на полосу и, взлетев, тоже взял курс на Киев. Через пятнадцать минут на БТРах примчался спецназовский заслон, блокировавший до этого местных отмороzków. Они вместе с остатками бойцов, до сих пор державших взлетную полосу, спешно погрузились в ожидающий их второй транспортник, и он вместе с парой вертолетов прикрытия тоже исчез в затянутом хмурыми облаками небе.

Вся операция заняла чуть больше часа и была похожа на передачу спецназу СБУ какого-то очень секретного и ценного груза. По имеющимся изображениям ящики, забранные спецназом, опознать было невозможно, но искусственный интеллект системы, проанализировав все данные, приписал событиям в Калинове приоритетный статус и методично по крупицам начал вытаскивать из глобальной сети информацию, имеющую отношение к произошедшему. А после утери контроля США над интернетом, возможности по доступу даже в самые закрытые сети у него были практически безграничны.

Первым делом ИСИН поднял все имеющиеся данные на самолет и партию лекарств, поставляемую по линии гумани-

тарной помощи. Транспортник принадлежал частной компании, давно работающей с ООН. Груз комплектовался в краковском аэропорту в Польше при непосредственном участии специалистов ООН. Все паллеты можно было отследить по электронным документам. Здесь не было ничего сложного, большая часть груза шла со складов в Швейцарии, где был центральный хаб ООН по обеспечению медикаментами Европы, Ближнего Востока и Севера Африки. Паллеты комплектовались там же. Только несколько контейнеров пришло из центра ООН в Юго-Восточной Азии, но их тоже комплектовали ооновцы. Были еще два контейнера с лекарствами, собранными благотворительными фондами, но их содержимое тоже проверялось перед загрузкой.

По документам выходило, что груз легален.

Тут внимание ИСИНа привлекла одна строчка в электронной полетной декларации. В последний момент команда сопровождения груза, состоявшая из шести сотрудников ООН, получила серьезное пищевое отравление и была заменена на группу польских волонтеров.

Казалось бы, тоже все в соответствии с процедурой, и документы и фотографии совпадают с базами данных. Если бы не один факт. Индивидуальные мобильные телефоны всех шестерых волонтеров находились и работали в обычном режиме в Варшаве, хотя сами люди были на Украине. Это могло означать только одно – по документам волонтеров в ооновском самолете находились другие. И эти другие могли

заменить часть гуманитарного груза перед взлетом на то, что они хотели втайне доставить в Украину. Сделать это можно было только при содействии сотрудников польской таможни и администрации аэропорта, но в электронных мозгах не возникло и тени сомнения, что поляки, всегда занимавшие антирусскую позицию, могли участвовать в подмене груза.

Дальше все просто. В списке бортов, прибывших в Краков за последнюю неделю, были все гражданские самолеты и только один легкий транспортник ВВС США. Он запросил аварийную посадку по технической причине за день до вылета ооновского борта. В электронных документах было отмечено, что экипаж сам устранил неисправность и через сутки американский транспортник покинул аэропорт и приземлился на базе ВВС Польши в Сквежине. Все это время по согласованию с поляками вокруг самолета был выставлен караул из нескольких бывших на его борту морпехов. Транспортник не досматривался. Экипаж и пассажиры дальше десяти метров от самолета не отходили.

Соотнеся все это с уже имеющейся у него информацией, ИСИН отправил отчет в аналитический отдел с пометкой «ГРАП “Невод”. Киртлэнд 2031».

Оперативный дежурный хорошо помнил, что произошло на базе ВВС Киртлэнд в 2031 году. Он еще раз внимательно прочитал отчет, затем, несмотря на поздний час, набрал директора ФСБ по закрытой линии.

– Олег Иванович, у нас есть подозрение на то, что объяви-

лись ядерные заряды с Киртлэнда. Во всяком случае, система думает именно так.

– Где?

– Львовская область. Доставлены ооновским самолетом вместе с гуманитарной помощью.

– Вероятность?

– Предварительно – выше десяти процентов.

– Это серьезно. Операции присвоить приоритетный статус. За ночь собрать всю возможную дополнительную информацию. Завтра доложите на закрытом совещании.

– Есть.

– Спасибо. До завтра. Конец связи.

Задумчиво постучав телефонной трубкой по рабочему столу, директор ФСБ Лукин встал, подошел к панорамному окну своей теплой, уютной квартиры, расположенной на верхнем этаже современной высотки. Внизу не такая яркая, как до зимы, но все же искрящаяся огнями и полная жизни простиралась ночная Москва. Он на секунду закрыл глаза и внутренне содрогнулся, представив, как за окном прямо в центре города вырастает ядерный гриб.

– Твари... – сквозь зубы прошипел он и набрал короткий номер главы Администрации Президента Алекса Смирнова.

– Извини, что поздно. Мои говорят, что сработал «Невод» по Киртлэнду. С вероятностью больше десяти процентов ядерные заряды сегодня были доставлены в Украину.

– Это много, черт возьми!

– Я завтра утром собираю закрытое совещание...

– Слушай, Олег Иванович, – чуть подумав, сказал Алекс. – Я все равно сейчас спать не смогу. Дай своим команду. Я к ним подъеду, почитаю, что они накопили. Все допуски у меня есть. А завтра утром уже предметно все обсудим на совещании.

– Хорошо. О времени совещания сообщу позже. Если все подтвердится, чувствую, придется попотеть.

– Потеть нам не впервой, мы люди тренированные, – ответил генерал Смирнов, хорошо представляя, что их ждет, если догадка ИСИНа окажется правдой.

**Киев. Жуляны. База
Центра специальных
операций СБУ Украины**

Четыре контейнера, зашитые в фанерные ящики с оонойсвой маркировкой, стояли посреди пустого ангара в ярком световом пятне внутренних прожекторов. Крышки на ящиках были плотно закрыты, чтобы уберечь их содержимое от посторонних глаз, но все равно стоящим напротив них людям в форме спецназа СБУ казалось, что смертельная опасность буквально сочится через поры дерева.

– Сэмэн, нахрена нам этот геморрой? – тихим голосом задал вопрос в пустоту один из них.

Полковник Руденко молча посмотрел на своего начштаба, вернее, начальника того, что сейчас называлось Центром планирования и оперативного сопровождения спецопераций, и ничего не ответил.

– Ты хоть понимаешь, что, если мы в это ввяжемся, нам всем конец. И батальону, и нам лично...

– Да не пыли ты... – Руденко отошел к небольшому столу, на котором лежал полевой планшет, переданный ему утром американцем для деактивации устройства самоуничтожения зарядов, и тяжело опустился на старый, еще времен славной советской армии деревянный табурет.

– Блин, Сэмэн, не молчи. Сколько этот пиндос сказал у нас времени? Сутки? А что, если америкосы так обосрались от твоего наезда, что рванут заряды прямо сейчас. И пред³ постоянно висит на линии. Сейчас заявится сюда со своими гоблинами.

– Не ссы. Его самые крутые гоблины – это мы. Ни хрена он нам не сделает. Люди у меня все проверенные, надежные до последнего бойца. Этой тупой власти они уже нахлебались и будут делать то, что прикажу я. Мы на своей базе всех порвем, – полковник повернул к себе планшет и в который раз попытался его активировать. Безуспешно. На экране светилось только окно введения кода доступа. – Да... Наверно, код известен только передо мной, может, еще кому из нашей долбаной верхушки. Но ты прав, делать что-то надо. Я сказал Чалому, что подозреваю, что ящики заминированы, и, пока работают мои саперы, он сюда не сунется. Так что немного времени у нас есть.

– Отдай ты им это дерьмо, Сэмэн. Так будет лучше для всех.

– Лучше? – Руденко раздраженно сверкнул глазами на подчиненного. – Ты думаешь, нахрена они сюда это все привезли? Утилизировать потиху, а? Это четыре долбанных ядерных заряда. И не тактика, насколько я в этом разбираюсь, а боевые блоки с «Трайденгов» или «Томагавков». А это килотонн под пятьдесят. Хватит, чтобы уничтожить крупный

³ здесь — председатель СБУ.

город. И подумай, где этот город будет находиться?

– Ну и хрен с ними. Пусть москали поплатятся, – уже не так уверенно буркнул начштаба и уселся на край стола, все еще опасливо поглядывая на ящики.

– Ты debil, Грыня, – беззлобно сказал полковник. – Хороший начштаба, но полный debil. Если Чалый взорвет это где-нибудь в России, нам всем жопа. Нас растопчут в течение месяца.

– Ну уж и в течение месяца... Прошлый раз два года их разматывали. Мы им тоже дадим просрать.

– Чем? Тем металлоломом, что у нас остался от натовских подачек? Или тем рожном, которое мы сами собираем на полумертвых заводах? Не смей меня.

– Население поднимется против москалей. Партизанская война...

– Какая война, Грыня? Да большая часть украинцев сейчас проклинает тот день, когда нацики пришли к власти. Они спят и видят, чтобы Россия снова взяла Украину под крыло. Бесплатный газ, работающие заводы... Одумались, наконец, овцы. Раньше где были?

– Ну ты даешь...

– Вот скажи, тебе сейчас что, плохо живется? – Руденко взглянул на штаба в глаза. – Да, зарплату платят бесполезными фантиками. Но паек нормальный, на семью хватает. Вещевое довольствие, бензин для тачки, газ для обогрева. Есть горилка и сало к ней. И родных своих ты во время зимы

в братские могилы не закапывал, как полмиллиона украинцев. Опять же, леваком, что мы берем во время операций, с тобой честно делятся. И ты, и семья твоя в безопасности, насколько может быть безопасна эта сраная страна. В общем небедно ты живешь. Небедно. Другие об этом могут только мечтать. Так?

– Ну в общем, да. Ты куда клонишь?

– И скажи мне теперь, нахрен тебе та война? Нахрен тебе свою жопу опять подставлять под москальские пули. Тебе десть лет назад не хватило, когда в Бахмуте яйца чуть не отстрелили. Нас же в первую очередь бросят в самое пекло. У нас сейчас есть хоть какая-то страна. Пусть хреновенькая, нищая и наполовину разваленная, но своя. И мы в ней, как ты видишь, занимаем не самую нижнюю строку в пищевой цепочке. Когда придут русские, нам здесь места не будет, если мы, конечно, останемся живы, что очень маловероятно. Эти шкуры наверху накрали достаточно, чтобы свалить из страны в любой момент. И свалят, как только запахнет жареным. Правда, бежать-то особо уже некуда. Штаты разрушены, Европа накрылась медным тазом.

– Эти жирные свиньи найдут, где пристроить свое рыло, – зло проговорил начштаба.

– Вот и я о том же.

– Что-то я тебя не пойму, босс.

– А что тут понимать. Нельзя нам воевать с Россией. Нельзя. Погибнем мы за этих, как ты сказал, жирных свиней.

Нельзя нам отдавать заряды Чалому. Хрен знает, какие у него терки были с пиндосами, но они явно направлены против москалей.

– Это измена, Сэмэн, – Грыня перешел на шепот.

– Это не измена, Грыня. Я присягал вольной европейской Украине и украинскому народу, а не кучке проворовавшихся нациков, засевших в Киеве. Я за этот народ и страну десять лет назад три дырки в разные части тела на Донбассе получил, побратимов положил кучу. Молодой еще был, наивный. Где сейчас эта воля? Где эта сраная Европа? А с народом что стало? Эх, знать бы тогда, чем это все закончится... А сейчас у меня в ангаре лежит четыре ядерных заряда по пятьдесят килотонн, и Украина хочет начать ядерную войну с Россией. За что? За то, что они отжали Крым и Донбасс? За то, что не дали нам десять лет назад спокойно убивать русских?

– Ты что, Сэмэн... Посмотри, что москали сделали с Украиной.

– Ты debil, Грыня. В том, что мы в полной жопе, виноваты не москали, а наши тупорылые ублюдки, которые продались пиндосам за жменю баксов. Что, двадцать лет назад нельзя было договориться с Донбассом по федерализации? Пол-Европы, те же Штаты, Германия устроены именно так. И все бы было спокойно. Жили бы себе как обычно – сало, горилка, бабы. Нет же, Америке была нужна война с Россией. Мать их! Вот и довоевались до того, что сидим в полном дерьме. Территории потеряли, промышленность разрушена

войной, половина народа свалила в ту же Россию, половина в Европу, а оставшимся тупо нечего жрать.

– Обещали ведь помочь, – начштаба, не ожидавший, что разговор примет такой оборот, попытался сменить тему.

– Ага. Обещали. И где эта помощь? Где эти миллиарды? Спалились на Донбассе. А где эта долбаная интеграция? Где открытые границы? Где европейская жизнь для каждого украинца? Где НАТО? Где Евросоюз? Нас кинули, Грыня. Нас тупо кинули, как последних лохов. Им нужна была война с Россией, а на Украину им насрать. Если хочешь знать, была бы моя воля, я бы в знак благодарности один из этих ящиков отправил в Брюссель, один – в Варшаву, а два – в Вашингтон или, что там у них после цунами вместо столицы. А теперь они хотят, чтобы их цэрэушные выкормыши долбанули по москалям вот этим, – Руденко со злостью пнул один из ящиков. – Представляешь, что тогда начнется. Россия нас размажет тонким-тонким слоем. И вступить за нас теперь некому, потому что нет того НАТО и нет того ЕС. Если ты не заметил, сейчас в мире рулят Москва и Пекин. Нет, друже, нам войны с москалями допустить нельзя. Я жить хочу. Хотя бы, так как сейчас, а возможно, и лучше.

– Нас сотрут в порошок. Авиацией, – в голосе начштаба послышались панические нотки. – Ты же хотел жить. А сам... И нас всех положишь.

– Я сказал, не ссы. Если у нас будут коды активации, мы сами будем диктовать условия. Мы будем хозяевами положе-

ния, — мрачно улыбнулся Руденко и, видя, что Грыня уставился на него непонимающим взглядом, и, кивнув в сторону контейнеров, добавил: — Это наш билет в светлое будущее. В этих ящиках лежат не ядерные заряды. Эти ящики доверху набиты деньгами. И не всяким говном типа баксов, а рублями, юанями или дойч марками, на худой конец. Нам надо только узнать коды, чтобы пиндосы не активировали устройство самоуничтожения.

— Но коды знает только Чалый. Ведь ему предназначен груз.

— Ага, — улыбнулся Руденко и заговорщически подмигнул своему начштаба.

* * *

Через час кортеж председателя СБУ Мыколы Чалого, состоящий из бронированного «Тахо» и двух стареньких армейских «Хаммеров» с охраной, быстро проскочив КПП, въехал на территорию базы спецназа. Круто развернувшись на взлетной полосе, машины медленно покатались в сторону ангаров, у которых была выставлена охрана из десятка бойцов и пары БТРов.

На месте аэропорта Жуляны когда-то планировали отстроить новый современный микрорайон, но после прихода к власти националистов проект заглох из-за того, что никто не хотел инвестировать в «эвропэйскую» Украину. Да-

же собственное правительство. Деньги, те, что не разворачивались новой властью, тратились вначале на войну на Донбассе, а потом на войну с Россией. Когда Украина начала разваливаться на полуавтономные княжества, управляемые нацистскими батальонами территориальной обороны, база ЦСУ⁴ СБУ была перенесена в полностью заброшенный к тому времени аэропорт Жуляны, находящийся в городской черте Киева. Это обеспечивало хорошую мобильность подразделений, которые можно было перебрасывать по воздуху в любую точку страны, пользуясь собственной взлетной полосой и небольшим, но поддерживаемым в хорошем состоянии парком самолетов и вертолетов.

– У нас еще есть шанс, Сэмэн, – простонал начштаба, когда они вышли встречать гостей. – А что, если он никакого кода не знает или не будет говорить?

– Херня. Чалый, никчемная американская подстилка, выкормленная и воспитанная ЦРУ. – Он крутой, только когда за его плечами десяток наемников в тяжелой броне. Я его расколю за пять минут. Спорим?

– Да ну тебя... Знаю я твои методы, – махнул рукой начштаба. – Пойду я, от греха подальше.

– Иди. Не светись здесь. Лучше проконтролируй беспилотник, – согласно кивнул Руденко и бросил в закрепленную на плече рацию: – Снайперам, готовность ноль. Огонь по сигналу.

⁴ Центр специальных операций.

Американские наемники, охраняющие председателя СБУ, знали свое дело хорошо и выполняли работу четко, несмотря на то что находились на дружественной территории, где нападение на защищаемого ими ВИПа было невероятно. Кorteж остановился почти вплотную ко входу в ангар и выстроился вдоль его торца так, что бронемашины, направив башенки пулеметов в разные стороны, полностью прикрывали дверь с боков, в то время как «Тахо» прикрывал ее с фронта.

– Пан председатель... – Руденко, козырнув резко, на американский манер, поприветствовал начальство.

– День добрый, Сэмэн. На базе все в порядке?

– Как всегда, сэр, – полковник знал, что Чалый обожает, когда к нему так обращаются. – Прошу внутрь.

– Извините, сэр, мы должны проверить помещение, – один из сопровождавших охранников, видя, что ВИП направился ко входу в ангар, с решительным видом шагнул вперед. – И сопровождать вас внутри.

– Отставить. Это спецназ СБУ. Я здесь среди своих, – остановил его движением руки председатель, который явно не хотел лишних свидетелей.

– Это не по инструкции, сэр. У нас контракт.

– Зафиксируйте на ваших камерах, что я действую под мою личную ответственность, – строго сказал Чалый и, отодвинув плечом охранника в тяжелом бронежилете, шагнул внутрь ангара.

Строение где сгрузили ядерные заряды было одним из складов, на котором хранилось вооружение и боеприпасы спецназа, и выглядело, как обычное сооружение из утепленных сэндвич-панелей только снаружи. На самом деле большая часть внутреннего пространства представляла собой продолговатый короб, из бетонных блоков и перекрытий обваренный толстыми бронепластинами. Когда они, пройдя небольшой тамбур с несколькими обитыми жестью столами, вошли в основное помещение, бронированные двери склада, скрипнув на плохо смазанных петлях, закрылись, и Чалый увидел, что у ящиков, расположенных по центру свободного пространства, стоит несколько младших офицеров.

– Что происходит, полковник? – спросил он, чуть замедлив шаг. – Почему здесь посторонние?

– Все нормально, пан председатель. Это внутренняя охрана.

– Какая, к черту, охрана? – возмутился Чалый. – Вы итак нарушили инструкции. Вы не должны были вскрывать груз в Калинове.

– Я просто хотел узнать, что внутри, — невинным голосом проговорил Руденко и чуть подтолкнул председателя к ящикам. – Хотите посмотреть, что там?

– Вы поплатитесь за это карьерой! – опешив от такой наглости, выкрикнул Чалый.

– Так уж и поплачусь, – полковник сделал знак одному из офицеров, и тот откинул крышку ящика. – А теперь скажите,

нахрена вы притащили в Украину четыре ядерных заряда?

– Это не ваше дело, полковник! – председатель начал понимать, что ситуация выходит из-под контроля.

– Мое, пока я живу в этой стране, – Руденко кивнул головой, и два спецназовца мягко подхватили председателя под руки.

– Это измена! – гневно выкрикнул Чалый. – «Красный код»! «Красный код»!

– Хоть красный, хоть синий, хоть зеленый. Не надо кричать. Помещение экранировано. Любая связь отсюда невозможна.

– Это измена! – еще раз, но уже менее уверенно выкрикнул председатель. – Если меня не отпустят сейчас же, и вы, и ваши люди – покойники.

– Ладно. Хватит истерик. Слушай меня сюда, американская шлюшка, – полковник подошел вплотную к Чалому и, ухватив его за лацкан дорогого пиджака, несильно тряхнул: – Мне нужны коды доступа к системе управления зарядами. Вон там на столе лежит планшет, который мне передал твой американский друг. Ты сейчас подойдешь и активируешь его. Затем сделаешь то, что надо, чтобы мы могли открыть контейнеры и управлять активацией зарядов.

– Ты с ума сошел, Руденко! Ты хоть понимаешь, в какую игру ты ввязался! Предатель! – председатель СБУ рванулся, но спецназовцы держали его крепко.

– Догадываюсь, – холодно ответил полковник. – Ты не су-

етись. Ты подумай. Я все равно получу коды. Выжгу их из тебя железом, током, вытравлю кислотой или химией, но получу. Единственной разницей будет то, что ты после этого будешь никчемным калекой. Ты же присутствовал при пытках в СБУ. Жутко было, да? Так вот, я тебе скажу – ни хрена ты еще не видел. Ты узнаешь, что такое настоящая боль, парень. Поверь мне.

– Через пять минут здесь будут мои люди!

– Через пять минут у тебя из жопы будет торчать включенный в розетку паяльник, здесь будет вонять паленым мясом и ты будешь выть от боли. А от твоих наемных псов, если они дернутся, останется только пепел потому, что они стоят на радиоуправляемых термобарических зарядах от старого доброго «Шмеля». Еще через час твои жена и дочь будут оплакивать своего продажного папу, конвой которого сепаратисты расстреляли из гранатометов на выезде из Жулян. А это дерьмо, – Руденко мотнул головой в сторону ящиков, – через пару часов будет захоронено около твоей родной деревни на Львовщине. И пусть пиндосы рванут все через сутки, чтоб там было хорошее такое радиоактивное пятно, чтоб в твоём поганом роду с этого поколения рождались только мутировавшие уроды. Как тебе такой расклад?

– Да пошел ты... – сквозь зубы прошипел Чалый, все еще не веря, что это с ним происходит на самом деле.

– Хорошо. Снимайте с него штаны. Коста, неси паяльник и удлинитель.

Через несколько минут, морщась и ерзая на стуле под тяжелым взглядом спецназовцев, бледный, как мел, председатель СБУ Чалый трясущимися руками вводил коды доступа в планшет контроля ядерных зарядов. Еще через пять Руденко и его офицеры разглядывали лежащие в контейнерах матово поблескивающие продолговатые цилиндры с непонятной маркировкой на английском и какими-то схемами, выгравированными на их корпусах. К каждому из них было подключено простенькое управляющее устройство с таймером активации и самоуничтожения.

– Посмотрите, какая мощь, ребятки. Это наш пропуск в светлое будущее, – ни к кому не обращаясь, проговорил Руденко.

– Что вы собираетесь делать дальше? – злобно зыркнув из-под нахмуренных бровей, спросил Чалый.

– С тобой? – растерянno взглянул на него полковник, будто вспомнив, что его до смерти напуганный босс еще здесь. – Не ссы, не тронем. Работай, как и работал. Американским хозяевам отчитаешься, что все идет по плану. Пусть думают пока, что их операция прокатила. Кто-нибудь еще в Киеве знает о зарядах? Президент? Премьер? Председатель СНБУ⁵?

– Им там не доверяют, – отрицательно покачал головой председатель.

– Вот и хорошо, – по-дружески хлопнул босса по плечу

⁵ Совет национальной безопасности Украины.

Руденко. — Вся хрень, что произошла здесь, заснята на камеру. В твоих интересах, чтобы никто об этом не знал как можно дольше. И не бери в голову дурных мыслей типа штурма или авиаудара. Через час один из зарядов будет расположен в административном квартале Киева, и, если что, всей вашей долбаной верхушке придет конец. Могу дать тебе дельный совет, пан председатель. Через пару недель, так, чтобы никто не заподозрил, пакуй наворованное, бери семью и вали куда-нибудь по-тихому. Думаю, план отхода у тебя есть, документы, запасной аэродром и все такое. В этом дерьме, что сейчас творится в мире, найти тебя будет очень сложно. Да и судя по тому, как спланирована операция, пиндосы уже не те: ни мозгов, ни силенок, ни ресурсов у них уже нет, так что искать такую мразь, как ты, они вряд ли будут. Понял?

Вместо ответа Чалый молча кивнул.

— Ну вот и отлично. Пошли к твоим псам. И веселей гляди, ведь все идет по плану. Полковник развернул своего начальника к двери и легонько двинул коленом под зад. Тот, ойкнув от боли, неестественно широко расставляя ноги, зашагал к выходу.

Когда за кортежем председателя СБУ закрылись ворота базы, он, матерясь в голос на заднем сидении своего внедорожника, набрал председателя СНБУ и договорился о срочной встрече. С предателем Руденко надо было что-то делать. Чалый не верил, что полковник, воевавший за Украину на Донбассе, взорвет один из зарядов в центре Киева, а вот уни-

что жить их он вполне способен. Или еще хуже, рассказать о поставке зарядов журналистам. Тогда все это узнает Россия и ООН, раскопают, что заряды пришли из Штатов, и все пропало. Америкосы ничего не заплатят, а бросят его на растерзание русским, и рухнет последняя надежда тихонько свалить из этой поганой страны.

Надо было что-то предпринимать. Причем делать это в течение суток, пока Руденко не начал осуществлять свой план. Огневой налет и захват ЦСО – это крайнее средство, практически не допустимое в городской черте Киева. Штурм хорошо укрепленной базы, обладающей собственной ПВО, обороняемой самым подготовленным и экипированным по максимуму спецподразделением в стране, на данный момент представлялся практически невозможным. Блокировать ее долгое время, тоже не выход. Министры обороны и МВД могут начать разнюхивать, что к чему, и докопаться до истинной причины наезда на спецназовцев.

Остается только одно, договориться с Руденко по деньгам. Но где взять столько денег? Чалый даже понятия не имел, сколько может стоить пятидесятикилотонная боеголовка, но знал, что в мире найдется десяток покупателей, готовых заплатить максимальную цену. В голове постепенно начал складываться довольно сложный, но все же осуществимый план.

Всю операцию можно попросить профинансировать исламистов и сделать это так, чтобы в ее результате Руденко полу-

чил свои деньги, исламисты получили пару зарядов, а оставшиеся два остались бы ему для применения в России. Американцам потом можно было рассказать, что два неиспользованных заряда были перехвачены русскими и их пришлось самоуничтожить.

Сложно, натянуто, но вполне выполнимо. Здесь главное, договориться с арабами. Руденко хохол. А когда хохол отказывался от халявных денег.

Еще раз выругавшись вслух, председатель набрал министра обороны и тоже пригласил на экстренное совещание, предварительно попросив садить или сбивать самолеты и вертолеты, взлетающие с Жулян, заглушить всю связь в районе базы, а на подъездах выставить блокпосты и задерживать весь выходящий транспорт. Министр обороны удивился, сказал, что ждет разъяснений, но приказ отдал.

Москва. Ситуационный центр ФСБ

Через сутки после первого сигнала ситуация с возможной передачей США ядерных блоков Украине стала гораздо более запутанной. Группу спецназовцев, которые приняли подозрительные ящики в Калинове, удалось отследить до базы ЦСО СБУ в Жулянах. Это само по себе было довольно необычным. Зачем тащить такой опасный груз в центр города было бы верхом безумия. С другой стороны, база была прекрасно оборудована и защищена, что казалось большим плюсом в обеспечении охраны ядерных зарядов, если в ящиках, погруженных на спецназовские транспортники, были именно они.

Затем события вообще приняли необычный оборот. На базу прибыл председатель СБУ и провел на ней около часа. После этого визита Жуляны накрыли колпаком РЭБ⁶ и заглушили в ее районе связь по всем каналам, а украинские десантники выставили на достаточном отдалении от базы усиленные блокпосты.

Создавалось впечатление, что базу блокируют.

– И как это понимать? – председатель ФСБ Лукин обвел всех озадаченным взглядом. – Они что там, не поделили чего?

⁶ радиозлектронная борьба.

– Вполне возможно, – ответил один из его замов, которому было поручено курировать операцию с ядерными зарядами в Украине вплоть до ее разрешения тем или иным способом. – С другой стороны, вполне возможно, что все это сделано для охраны груза, который прибыл из Калинова.

– Давайте подытожим, что у нас есть на этот момент, – предложил Алекс, который провел несколько часов с аналитиками ФСБ и до сих пор не мог прийти к однозначному мнению, стоит ли воспринимать тревогу, поднятую системой, всерьез. – Подозрительный ооновский самолет привез на Украину подозрительный груз, вокруг которого развернулась значительная подозрительная активность. Это пока все. Кроме заключения ИСИНа о десятипроцентной вероятности, у нас ничего нет.

– Все это само по себе довольно странно, – задумчиво проговорил Лукин. – Ооновский самолет доставляет контрабандный груз, встречать который высылают роту спецназа СБУ на двух транспортниках, да еще при поддержке ударных вертолетов. Те захватывают со стрельбой базу в Калинове, перевозят груз в Жуляны, куда сразу же мчится председатель СБУ. Затем базу спецназа, по сути, блокируют. Это не просто странно. Это говорит о чрезвычайной важности груза.

– Я понимаю, что все это выглядит необычно и нам обязательно надо выяснить, что там происходит. Но я бы воздержался от активных силовых действий, пока мы максимально не проясним картину. В ящиках может быть что угодно: нар-

кота, валюта... Да все, что хочешь, – Алекс сделал неопределенный жест рукой.

На стеновом экране слева от карты Киева и нескольких панорамных спутниковых снимков базы ЦСО в Жулянах появилось еще одно окно, с которого дежурный, быстро найдя среди присутствующих глазами директора ФСБ, спросил:

– Разрешите доложить? Есть новая информация по Украине, – и, увидев согласный кивок начальника, продолжил: – Поступила информация от радиологов, проверявших ооновский самолет, доставивший груз в Калинов. В грузовом отсеке найдены слабые следы радиации. Для уточнения типа радиоактивного материала, оставившего следы, необходимо несколько дней. Далее. Агентурная сводка из Киева. МВД провел несколько операций по задержанию членов семей командиров ЦСО СБУ, расположенного в Жулянах. Ситуация вокруг базы не изменилась, база блокирована, связи нет.

– А вот это уже что-то конкретное, – Лукин бросил быстрый взгляд на Алекса. – Следы радиации в самолете подтверждают, что на Украину доставлены радиоактивные материалы.

– Согласен, – энергично кивнул Алекс. – Это меняет дело. Шанс на то, что это боеголовки с Киртлэнда, значительно возрастает. Но ждать несколько дней, пока проведется детальный анализ изотопов, мы не можем. Надо действовать сейчас, пока мы знаем, где подозрительные ящики. Поступим так. Я доложу президенту, а вы готовьте предваритель-

ные варианты спецоперации в Жулянах так, чтобы к полудню их можно было обсудить.

США. Нью-Мексико.

Секретная база Далси

– Твою мать, Шон! Эта операция с самого начала пахла высококачественным дерьмом, – министр обороны Локарт нервно вышагивал по небольшому кабинету перед стеновым экраном, с которого на него невозмутимо смотрел директор ЦРУ Хастер. – И что теперь? Мы даже статус зарядов не можем подтвердить.

– Не паникуй. Пока ничего страшного не произошло, – успокоил коллегу цэрэушник. – Ну не понравилось нашему оперативнику как прошла передача груза. Ну развернулась вокруг него подозрительная активность. Это все довольно странно и очень настораживает. Но главное, коды активации систем контроля введены, управление зарядами передано юкам, значит, похоже, что наш человек в Киеве контролирует ситуацию.

– Вот именно, похоже! Мы ни хрена не знаем, что там происходит. А если они перерезались друг с другом и решат использовать заряды внутри страны, чтобы уничтожить конкурирующие группировки? Да кто знает, что эти долбанутые нацисты могут вытворить. Надо активировать дублирующий контур самоуничтожения зарядов и дать сигнал со спутника.

– Хотят использовать внутри страны? – хохотнул с экрана

директор ЦРУ. – И хрен с ними. Нам-то что? Тогда мы можем заявить, что на них напали русские. Что это они применили ядерное оружие.

– Брось, Шон, нам никто не поверит. Наши информационные возможности уже не те, а ООН тандем контролирует почти на сто процентов. Надо было послать на Украину нашу «дельту» или «котиков». Захватили бы пару военных самолетов, перелетели бы в Крым, типа просим убежища, и рванули бы там. Потом пусть разбираются.

– Ладно, давай подождем немного, может ситуация прояснится, тогда и примем решение.

После разговора с Локартом директор ЦРУ, который только внешне казался спокойным, бросил раздраженный взгляд на агента Моргана, смотревшего на него с другого сегмента экрана.

– И что? Ничего нельзя было сделать? – хмурясь, спросил он.

– Нет, сэр, – Морган проглотил очередную таблетку энергетика и запил несколькими глотками крепкого кофе. Он находился на базе ВВС Польши в Сквежине, уже почти сутки был на ногах, но все еще сохранял способность ясно мыслить. – Эти ублюдки высадили в Калинове целую роту спецназа при поддержке двух вертушек. У меня с пятью бойцами просто не было шанса. Я сразу доложил, что операция идет не по плану. Надо было уничтожить заряды в Киеве, как только мы взлетели с их базы.

– Мы получили подтверждение из Киева, что этому... Руденко можно доверять.

– Ни хрена там никому доверять нельзя. Вот мое мнение. Даже те медикаменты, которые мы привезли по линии ООН, местные менты и таможня сразу же разграбили.

– Ничего нового. Мы всегда работаем с таким дерьмом.

– Мы теперь даже заряды не можем самоликвидировать. Они в экранированном помещении, да еще юки глушилки включили на всю мощность. Сигнал со спутника на дублирующий контур не пройдет. И вокруг базы творится хрен знает что.

– Ты еще сопли начни пускать, как беременная домохозяйка, – жестко отрезал Хастер. – Так... Прежде всего, нам надо разобраться с тем, что происходит. Каков статус вашей группы?

– Готовность 30 минут.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул директор ЦРУ. – Держи ребят в тонусе. А вот ты хреново выглядишь, Морган. У тебя есть пара часов, чтобы поспать, пока мы сведем концы на Украине и договоримся с поляками. Потом экипируйтесь по максимуму и – в Киев. Инструкции получите в воздухе. Операция, скорее всего, будет чисто силовая.

– Поддержка?

– У нас там больше роты профессионалов. Наемники из нашей ЧВК⁷. Они весь центр города могут неделю держать.

⁷ Частная военная компания.

Закончив разговор с оперативником, Хастер взглянул на экран планшета. Спутниковой связи с дублирующим контуром самоуничтожения зарядов, находящихся в ЦСО СБУ Жуляны, не было. База была по-прежнему оцеплена. Он нажал на иконку интеркома на браслете и попросил соединить со станцией ЦРУ в Варшаве.

* * *

Когда глобальная сеть ЦРУ начала разваливаться после катастроф, станция ЦРУ в Варшаве осталась одной из немногих, сохранивших хоть какое-то подобие эффективной работы. Может потому, что поляки, всегда боготворившие Америку, не могли признаться себе, что ей пришел конец. А может потому, что поляки патологически ненавидели русских, на протяжении истории не раз дававших им доброго пинка, а работа станции ЦРУ в Варшаве была направлена как раз против России. Как бы то ни было, необходимая помощь поляками была оказана в течение нескольких часов несмотря на то, что планируемая операция предполагала несанкционированное вторжение группы вооруженных людей на территорию государства, считавшего себя независимым.

Сама операция была спланирована по типу «прилетел – улетел» и не требовала серьезной подготовки. Поэтому прошло всего двое суток с момента передачи зарядов, а Мор-

ган уже снова летел над Украиной. Сейчас его группа разместилась в вертолете «Black Hawk», модернизированном под спецоперации. Вертушка шла над полями практически бесшумно на предельно низкой высоте, изредка подскакивая вверх, чтобы обогнуть попадавшиеся на пути редкие рощи. Впрочем, можно было и не опасаться местной ПВО. Те жалкие, еще не до конца проржавевшие крохи некогда мощной системы, защищавшей воздушное пространство Советского Союза с юго-запада, были уничтожены во время СВО. Правда, несколько более-менее боеспособных батарей, поставленных Западом, прикрывали Киев, но их можно было не опасаться, «Black Hawk», выполненный в последнем варианте «стелс», был практически невидим для их устаревших радаров.

Вся эта украинская операция Моргану не нравилась с самого начала, а после передачи зарядов Руденко на базе армейской авиации в Калинове он понял, что все висит на грани полного провала. Теперь, судя по его новому заданию, наверху не знали даже приблизительно, что происходит со смертельно опасным грузом, и ему предстояло это выяснить. По словам директора ЦРУ Хастера, в Киеве находилось еще достаточно надежных людей, но в теме был только он и тому эту раскрывать посторонним было никак нельзя.

– Время? – спросил Морган по внутренней связи. Пилот был не из его группы, он был приписан к роте «рейнджеров», оставленной в Польше в составе небольшого подразделения,

осуществлявшего охрану объектов противоракетной обороны.

– Четыре-семь клика до точки рандеву, сэр. Дам отсчет на готовность за один-ноль, – услышал он в ответ, посмотрел на своих одетых в легкую броню оперативников, спокойно дремавших в салоне вертолета, и закрыл глаза, приказав себе расслабиться.

Через несколько минут из состояния чуткой полудремы его вырвал встревоженный голос пилота:

– Сэр, мы фиксируем лазерное наведение. Предпринимаю маневр уклонения.

Вертушка резко легла на правый бок так, что сидевшие напротив бойцы почти повисли на своих ремнях безопасности.

– Какого черта, пилот? – заорал в гарнитуру Морган. – Откуда у этих засранцев лазерное наведение?

– Фиксирую устойчивый лазерный контакт по верхней плоскости вертолета. Пытаюсь сбить. Держитесь, парни!

Вертолет резко сбросил скорость, так что всех, кто находился в салоне, потянуло вперед на ремнях, затем повалился на левый бок и, задрожав всем корпусом на максимуме тяги, заложил крутой разворот.

– Мы что, на прицеле? – снова заорал Морган, видя, как одного из его оперативников от перегрузки вырвало прямо на мешок с оборудованием, закрепленный перед ним.

– На радарх чисто. Секунду, сэр. Система обрабатывает

параметры луча, – «Black Hawk» еще раз метнулся в сторону. – Сэр, это, скорее всего, луч наведения оптической системы разведывательного спутника.

Выругавшись, агент достал спутниковый телефон и надиктовал короткое сообщение, которое тут же было переведено в текст, зашифровано и отправлено куратору в США: «Мы под наблюдением с орбиты. Спутник дружественный?» Ответ пришел почти сразу: «Отрицательно. Спутник враждебный. Продолжайте выполнение задания».

– Твою мать, они что там, охренели все!

– Сэр, интенсивность луча упала, но я уверен, они нас ведут камерами, – сообщил пилот. – Сэр, в двенадцати кликах южнее нас грозовой фронт, я могу отклониться от курса и попытаться уйти от наблюдения.

– Сколько на это уйдет времени? – я не хочу оставаться в этой дерьмовой стране ни минуты больше, чем нужно.

– Десять-двенадцать минут, сэр.

– Принял. Разрешаю отклониться от курса. Сообщи группе «Зулу-1» об изменении времени, – отдал команду Морган и, ни к кому не обращаясь, добавил: – Еще больше, чем оставаться в этой дерьмовой стране я не люблю, когда меня просвечивают русские спутники.

Им повезло. Мощный облачный фронт, шедший с Черного моря, прикрыл включивший на максимум режим тепловой и радиолокационной маскировки «Black Hawk» от спутника, так что можно было надеяться, что они оторвались.

Если, конечно, их снова не зацепят ближе к точке randevu.

В том, что на них навелся российский спутник, а то, что это были именно русские, Морган не сомневался, хорошего было мало. Все это означало, что контроль за территорией Украины усилен. Причин этому могло быть много, но почему-то ему казалось, что, скорее всего, повышенная спутниковая активность, странные телодвижения вокруг базы украинского спецназа и его задание были как-то связаны.

Группа «Зулу», на встречу с которой они летели, ждала на заброшенном хуторе в ста двадцати километрах западнее Киева. Крутнувшись над плотной группой полуразрушенных построек, пилот поймал сигнал инфракрасного маяка, получил подтверждение по радио и мягко приземлился рядом с длинным строением, бывшим когда-то то ли фермой, то ли складом.

Через открытые широкие ворота здания внутри можно было разглядеть три бронированных внедорожника и десяток людей в разномастной гражданской одежде с оружием в руках. Когда Морган со своей группой спрыгнул на землю, от внедорожников к ним направился высокий светловолосый мужчина и, козырнув отработанным движением, представился:

– «Зулу-лидер», сэр. Как долетели?

– «Зулу-мастер», – ответил на приветствие Морган. – Хреново долетели. На нас навелся русский спутник, но мы вроде оторвались. Похоже, они серьезно взялись за эту дыру.

Периметр?

– Три снайперские пары на расстоянии километра. Радарная станция на крыше. Все чисто.

– Где он? Времени нет.

– В подсобке, – встречающий командир группу «Зулу-1» развернулся и пошел внутрь фермы.

В небольшой грязной, заваленной каким-то хламом комнатке на двух поставленных друг на друга ящиках сидел одетый в дорогой костюм человек со связанными руками и черным мешком на голове. Морган коротким кивком отправил «лидера» за дверь, оставил двух своих бойцов снаружи, а с остальными зашел внутрь подсобки.

Услышав, что кто-то вошел, пленник вскинул голову и быстро на хорошем английском заговорил:

– Чак, ты же знаешь, на кого я работаю. Вам всем конец. Вы нарушили контракт. Вы должны меня охранять. Вам больше никто не поверит. Чак, ну что вам надо. Хотите, я дам вам денег. Миллион рублей. Нет, два миллиона... И отпущу ко всем чертям. И никому не скажу... Ну чего ты молчишь!

Не говоря ни слова Морган подошел к человеку в костюме и резким рывком сорвал с его головы черный холщевый мешок. Председатель СБУ, щурясь от света, отшатнулся, чуть не свалившись с ящиков, но цэрэушник его удержал за галстук.

– Где заряды, сука? – придвинувшись к самому лицу, мед-

ленно проговорил Морган и хлестко, открытой ладонью ударил Чалого по лицу. – Что тут у вас, нахрен, происходит?

– Вы... Вы кто? – запинаясь, пробормотал пленник, лихорадочно перебирая в голове варианты. Что это: проверка ЦРУ на лояльность, наезд ФСБ или в Штатах как-то узнали про Руденко.

– Я, тот, кто тебе платит, мразь. Я тот, у кого ты должен был два дня назад принять заряды. Лично. Морган отпустил галстук и вклепил еще одну пощечину. Чалый с грохотом повалился со стула на пол. Сзади подскочили два оперативника и, схватив председателя, под руки рывком поставили на ноги.

– Как вы смеете! Я председатель СБУ! – охрипшим и срывающимся от напряжения и страха голосом закричал пленник. – За мной десятки тысяч человек, спецназ, армия. Я вас уничтожу!

– Ты никчемная, продажная, дешевая шлюха, выкормленная и обученная на наши деньги. Мы тебя поставили на должность. Мы можем тебя убрать в любой момент, – Морган еще раз с размаху ударил пленника по щеке открытой ладонью.

– Прекратите! Охрана! Чак! – заорал Чалый.

– Идиот. Ты до сих пор не понял, что охрану из наемников к тебе тоже приставили мы, – зло ухмыльнулся агент. – Что с зарядами? Говори!

– Все... все нормально, – простонал председатель, скорее,

от унижения, чем от боли. Они на базе спецназа СБУ в Киеве.

– Я должен убедиться лично, что они действительно там и под полным твоим контролем, – Морган намотал на свой кулак дорогой галстук Чалого и притянул его к себе. – Еще. Я должен ввести новые коды контроля.

– Э... Это не совсем возможно. База спецназа сейчас на особом положении. Учения.

– Вот как? А может, ты что-то от нас скрываешь? Может, ты изменил присяге, которую давал на верность Америке? – агент махнул рукой, и один из его бойцов разложил на ящиках небольшой сверток, в котором находились пугающего вида инструменты и мультипрепаратный инъектор.

– Нет, не надо. Я все расскажу сам, – тихо заскулил Чалый.

– Конечно, расскажешь. Я в этом нисколько не сомневаюсь, – Морган отошел от пленника, достал из серебряного портсигара тонкую сигару и, чиркнув до блеска отполированной долгим использованием «Зиппо», закурил. По подсырке поплыл терпкий аромат дорогого табака.

Несколько раз отчаянно дернувшись после инъекции препарата в шею, председатель СБУ обмяк, глаза его стали бесцельно блуждать по стенам, зрачки сузились, губы медленно зашевелились, будто не в силах выговорить что-то важное. Подождав минуту, пока препарат начнет действовать, цэрэушник подошел к пленнику, выпустил в лицо тонкую струйку белесого дыма и начал задавать вопросы.

– Как твое имя... Сколько тебе лет... Как давно ты работаешь на ЦРУ... Кто твой куратор... Кто такой полковник Руденко...

Через двадцать минут Морган вышел из бытовки хмурый и злой.

– Ну как? – спросил ожидавший снаружи «лидер».

– Дерьмово, – буркнул цэрэушник, – Вы были с ним на базе спецназа в Жулянах. Заметили что-нибудь подозрительное?

– Нет, сэр. Наши системы зафиксировали пару снайперов, направленных в нашу сторону. Но у них всегда так. Больше ничего подозрительного. Только Чалый вышел после встречи с командиром спецназа злой, заторможенный и двигался неуклюже так. Еще, он сразу вызвал силовиков на срочное совещание.

– Дерьмово, – еще раз сказал Морган. – Я пойду в вертушку. Мне нужна связь. Ждите пока здесь.

Операция разваливалась на глазах. Заряды находились на базе Центра ССО СБУ в Жулянах. Командир спецназа Руденко вышел из-под контроля. Заряды у него. Что он будет делать с ними – неясно. Руководство операции в Штатах в полном замешательстве. Директор Хастер на экстренном совещании у президента по какой-то херне. Будет доступен через час. И активность русского спутника явно неспроста.

– Ждем инструкций, – бросил агент пилоту и, откинувшись на спинку сидения в десантном отсеке, закрыл глаза,

слушая тихое жужжание силовой установки, питающей систему адаптивного камуфляжа вертолета.

Украина. Киев.

Жуляны. База ЦСО СБУ

Безбожно матерясь и пиная тяжелыми берцами мебель, полковник Руденко метался по кабинету.

– Они вздумали со мной поиграть? Оцепили базу! Заглушили связь! А вот хрен им! – он свернул свою огромную ладонь в массивный, напоминающий кувалду кукиш и сунул его под нос начштаба.

– Сэмэн, я же тебе говорил, не надо вязаться в это дело. За Чалым ЦРУ. Его поддерживают и премьер, и президент, и военные, потому что тоже кормятся от пиндосов. А мы что?

– Мы спецназ, мать твою! Мы долбаный спецназ, который не кормится ни от кого, а служит Украине!

– Да не ори ты. Спецназ, спецназ. И что!

Издав нечто среднее между стоном и рыком, Руденко повалился в массивное директорское кресло, которое мягко спружинило, принимая его немалый вес.

– Пан полковник, у нас необычная активность на северном блокпосту, – сообщил по интеркому дежурный по базе.

– Шо там еще?

– Мы наблюдали, как несколько десантников оставили свои посты, а БТРы развернули пушки в обратную сторону. Они до сих пор так и стоят. Вообще, на блокпосту не наблю-

дается никакого движения. Все будто вымерли.

– Шо за хрень? – Руденко вывел на экран монитора несколько картинок с камер, контролировавших северный сектор. – Это случайно не наши снайперы сорвались? Может, надоело ждать и положили, нахрен, всех на блокпосту?

– Ни, пан полковник. Наши мочат.

– А это что еще за персонаж? – удивленно спросил полковник, наблюдая, как со стороны блокпоста к ним на КПП направился человек, одетый в незнакомую офицерскую форму, и увеличил изображение.

Человек шел медленным, почти прогулочным шагом, спокойно поглядывая по сторонам, словно рассматривая достопримечательности. Подойдя к КПП метров на сто, не останавливаясь, он медленным плавным движением повернул повязку на левой руке так, чтобы ее было хорошо видно спереди.

– Твою мать! – удивленно выругался Чалый. – ООН. Какого хрена им здесь надо?

– Это полковник Алекс Благинов из вооруженных сил ООН. Болгарин. Он хочет поговорить с вами лично, – сообщил дежурный КПП, пока Руденко рассматривал на экране, как его бойцы ловко обыскивают странного гостя.

– Он один?

– Нет, его подразделение контролирует весь северный сектор.

– Это жопа, Сэмэн. Ооновцы что, положили нашу десан-

туру? – начштаба налил себе стакан воды и сделал несколько судорожных глотков. – Куда мы влипли, Сэмэн?

– Да не верещи ты, как баба! – Руденко в замешательстве потер лоб ладонью, пытаясь собраться с мыслями. Он почти двое суток находился без связи, без радио, без телевидения и не знал, что происходит вокруг. – ООН в Киеве... Какого хрена. Ладно, проводи этого перца ко мне. И не шмонайте его так. Повезливей! Полковник все-таки.

– Пойду я, пожалуй, от греха, – начштаба поднялся с кресла.

– Ссышь? – беззлобно бросил Руденко. – Остался бы, послушал, что нам болгарин напоет.

– Да ну тебя... – махнул рукой начштаба и закрыл за собой дверь.

Ооновец оказался интеллигентным мужчиной лет пятидесяти и своим видом, скорее, напоминал университетского профессора, чем военного. Если бы не глаза... Два широких черных, играющих матовыми переливами зрачка с уверенностью матерого хищника, смотрящих из-под чуть приспущенных век. Выдержать этот взгляд было невозможно даже Руденко, не раз игравшему в «гляделки» с самыми разными людьми и почти всегда выходившему победителем.

– Полковник Благинов *UNPC*⁸, – представился Алекс по-русски, спокойно выдержав стальное рукопожатие спецназовца.

⁸ *United Nations Peace Corp — Силы по поддержанию мира ООН.*

– Чем обязан? – перешел сразу к делу Руденко.

– У нас есть сведения, – Алекс, не дожидаясь приглашения, опустил в кресло, – что два дня назад в вашем распоряжении оказались некие радиоактивные материалы, которые могут быть классифицированы как оружие массового поражения. Материалы вам были переданы американцами в Львовской области на базе армейской авиации в Калинове. Поскольку действия США и Украины нарушают несколько важных международных договоров, я прибыл сюда, чтобы изъять эти материалы.

– Я не понимаю, о чем вы говорите? – спецназовец уселся в свое богатое кресло и попытался изобразить на лице удивление. – Вам что, больше нечем заняться?

– Послушайте, Руденко. Я не стану вас убеждать или уговаривать. Я здесь не для этого. Я здесь для того, чтобы забрать ядерные материалы, переданные вам американцами. Забрать или уничтожить вместе с вашей базой.

– У меня здесь батальон спецназа! – самоуверенно бросил Руденко.

– Я это знаю. Если через полчаса я не получу доступ к ядерным материалам, находящимся в ангаре, который по старым планам проходил под номером четыре, он и вся ваша база вместе с людьми и техникой будут уничтожены.

Услышав про ангар номер четыре и в очередной раз попытавшись выдержать взгляд гостя, полковник Руденко понял, что с этим человеком играть не просто бесполезно, но и

очень опасно. Он нахмурился и нервно засопел, постепенно понимая, что оказался в безвыходной ситуации.

– Вы не виноваты, что оказались в таком положении, – будто прочитав его мысли, сказал Алекс, с нескрываемым любопытством рассматривая спецназовца. – Более того, я считаю, что вы поступили правильно, приняв решение не передавать ядерные материалы председателю СБУ Чалому. Вы поступили как патриот. Вы предотвратили войну и, возможно, оккупацию вашей страны.

– Твою мать! – не стесняясь, выругался Руденко и потянулся к стакану воды, чувствуя, как пересыхает в горле.

– Кстати председатель СБУ Чалый сегодня был убит в результате нападения на его конвой с воздуха. По вашей версии, удар нанес российский самолет. Кто бы сомневался... По нашим данным, это сделал американский вертолет сил специального назначения, сегодня утром пересекший вашу границу с Польшей. Мы засекли его со спутника, но потеряли. У этого вертолета адаптивный «стелс» камуфляж и система охлаждения выхлопа, так что даже мощная термооптика его не может отследить.

– Что-то ты несильно похож на болгарина, полковник, – Руденко навалился на стол и попытался сфокусировать взгляд на переносице Алекса, чтобы хоть немного выдержать контакт. – Ты русский.

– Я полковник *UNPC* Благинов. Это все, что вам сейчас надо знать, – ооновец сам отвел взгляд и посмотрел в окно. –

Американцы знают, что их груз не попал по назначению. Поэтому они и убрали Чалого. Мы до сих пор не можем отследить их вертолет. И это сейчас, днем. Ночью это будет сделать еще труднее. Следующая их цель – вы. Впрочем, и без вертолета им есть чем вас уничтожить с территории Польши. Случайно или нет, но вы ввязались в большую и опасную игру. Ставка в этой игре – ваша жизнь, жизнь ваших людей и судьба Украины.

– Судьба Украины! – взорвался Руденко. – Вы начали против нас войну, забрали у нас Крым и Донбасс! Вы уничтожили Украину! И вы говорите о нашей судьбе!

– Полковник! – Алекс чуть повысил голос, понемногу теряя терпение. – Если бы двадцать лет назад Украина вела себя как цивилизованное государство, а не как полуфашистская американская марионетка, у вас был бы и Крым, и Донбасс. И жили бы вы как люди, а не как скоты. Скажу вам одно, что что осталось от Украины, Россию не интересует. Вы воспитали целое поколение на ненависти к русским, на этом до сих пор держится ваша власть. Теперь живите, как хотите. Россия не будет кормить двадцать голодных ртов и восстанавливать разрушенную вашими нацистскими отморозками экономику. Никто к вам с востока не придет, пока не попросите.

– Это мы еще посмотрим, – спецназовец зло глянул на гостя из-под сдвинутых бровей.

– Ладно. Я здесь не для того, чтобы вести с вами поли-

тические споры, полковник, – ооновец сделал неопределенный жест рукой. – Но хочу сказать одно, наличие у вас оружия массового поражения, тем более ядерного, в корне меняет дело. Вы прекрасно понимаете, для чего американцы прислали Чалому ядерные материалы. Они планируют применить их против России для того, чтобы между Украиной и Россией началась война. США вас опять используют как тупых цепных псов.

– Нет у меня никаких материалов, – набычившись, пробурчал Руденко и бросил на гостя быстрый взгляд, в котором легко читалась искорка интереса.

– Хорошо, – улыбнувшись про себя, но внешне сохраняя полную серьезность, сказал Алекс. – Давайте тогда прогуляемся до ангара и проверим, что там есть, а чего нет.

– Э! У нас здесь режимный объект СБУ. Все секретно и так далее. Вам даже находиться здесь без санкции председателя нельзя.

– Давайте я вам кое-что объясню. Вижу, вы не в курсе последних событий, – ооновец чуть наклонился вперед и поймал своими глазами ускользающий взгляд Руденко. – Два часа назад в Борисполе по специальному мандату ООН высадился батальон сил специального назначения *UNPC*. Пространство над Киевом объявлено бесполетной зоной и контролируется ВВС России, которые в любой момент могут нанести удар по базе. Все это происходит по согласованию с вашим президентом, который, видимо, не в курсе того, что

планировал Чалый. Мандат силам ООН выдан для поиска, изъятия или уничтожения ядерных материалов, доставленных на Украину международной террористической группой. Жуляны уже были блокированы десантниками по просьбе руководства СБУ. Это подтверждает, что Чалый знал о наличии у вас ядерных материалов и уже начал предпринимать активные действия, поэтому убедить вашего президента было несложно. Так что, по сути вы и ваши люди сейчас вне закона.

– Твою мать! Они нас просто слили. Предатели!

– А что им оставалось делать? Без ооновской помощи к осени по Украине прокатится волна голодных бунтов, которая сметет нынешнюю власть. Сотрудничество – естественный выбор вашего президента, – спокойно пожал плечами Алекс. – Так что, как видите, особых вариантов у вас нет. Если я не получу доступ к ангарам, вы автоматически будете приравнены к международным террористам и уничтожены в соответствии с мандатом ООН.

– М-м-м, – замычал то ли от злобы, то ли от досады Руденко.

– Повторяю... Если вы добровольно предъявите нам ядерные материалы, все подозрения с вас будут сняты. Более того, вы будете представлены к награде ООН как честный офицер, предотвративший ядерный удар по соседней стране, планировавшийся группой террористов, в которую входил председатель СБУ Чалый.

– И что? – в глазах спецназовца снова мелькнула знакомая искорка интереса.

– Ну... – Алекс снова внутренне улыбнулся и с наигранным безразличием осмотрел довольно богатую обстановку кабинета. – Здесь могут быть варианты. ООН нужны грамотные офицеры спецназа. Вам может быть предложена достойная должность в *UNPC*. Туда же может быть переведена наиболее подготовленная часть вашего подразделения. По вашей рекомендации, разумеется. Подумайте. Хорошее обеспечение, гарантированный отпуск в теплых странах, увлекательные командировки по всему миру. Ну и, конечно, интересная работа – спецоперации, стрельба и прочие прелести.

Недоверчиво хмыкнув, Руденко встал и подошел к окну. Пейзаж за окном явно не радовал. Серые космы не скошенной с осени травы, потрескавшийся, кое-как залатанный бетон взлетной полосы, ржавеющие под скудным весенним солнцем ангары, поношенный «Паджеро», который он отжал для себя у коммерсанта несколько месяцев назад во время очередного рейда. Уныло все, серо, противно. И так, до конца службы. И выхода вроде нет. А тут – ООН, содержание в валюте, теплые страны...

– Какие гарантии? – резко обернувшись, спросил он.

– Я рад, что вы приняли правильное решение. Пока – подпишите вот этот документ, – чуть улыбнувшись, Алекс достал из внутреннего кармана кителя пластиковый конверт и вынул из него аккуратно свернутый листок бумаги. – Это ва-

ше согласие сотрудничать с силами ООН и наше предварительное предложение вам перейти в *UNPC*. Условия и детали мы обсудим позже. Я буду вашим личным контактом.

* * *

В ста двадцати километрах западнее Киева специально-го агента Моргана, дремавшего в жестком кресле вертолета, разбудил зуммер модуля связи с центром управления операцией. Несколько часов назад он отпустил группу «Зулу» вместе с потерявшим рассудок после допроса председателем СБУ с конкретными инструкциями. Группа отъехала от фермы на тридцать километров, остановилась в лесу, оставила автомобили и укрылась за деревьями. «Black Hawk», невидимый для радаров, подлетел к брошенному конвою, выпустил управляемую ракету по центральной машине, в которой был оставлен Чалый, дал очередь по остальным автомобилям из тридцатимиллиметровой пушки и исчез с места атаки. Командир охраны председателя СБУ, он же «Зулу-лидер», сообщил в Киев по связи, что конвой атаковал неизвестный ударный вертолет и что председатель СБУ погиб в результате прямого попадания ракеты в автомобиль. К тому времени, когда украинские ВВС подняли в воздух пару стареньких истребителей, «Black Hawk» успел вернуться на ферму и замаскироваться в ожидании дальнейших указаний из центра.

Ждать инструкций пришлось несколько часов, и вот, наконец, зуммер связи заработал. Переключившись на коммуникационную спутниковую систему вертолета, Морган нацепил на ухо гарнитуру и ответил на вызов.

– Внимание! Срочная информация для «Зулу-мастера», – услышал он металлический голос. – Объект скомпрометирован и в ближайшее время будет захвачен ССО⁹ ООН. Численность противника – до батальона. Предположительно имеются легкие системы ПВО. Воздушное пространство над объектом полностью контролируется противником. Задача – силами вашей группы немедленно уничтожить объект с воздуха. Координаты для точного наведения ракет получите на подлете. Подтвердите прием.

Набрав полные легкие воздуха, Морган медленно выдохнул и обвел взглядом своих бойцов, собравшихся в десантном отсеке. Они были вместе уже больше десяти лет, провели не одну опаснейшую операцию в разных точках мира и не потеряли ни одного человека; и вот теперь начальство посылало их на верную смерть, чтобы прикрыть свои задницы.

– Ну что, босс? – спросил один из оперативников.

– У нас новая задача – уничтожить объект с воздуха, – ответил Морган хмуро.

– Так в чем дело? Цель мы знаем. Через пару часов наступит темнота. ПВО у местных никакое. Тихо подойдем, с расстояния километров в пятнадцать выпустим ракеты.

⁹ силы специальных операций.

Спутник проконтролирует попадание. Если надо, дадим контрольный залп. Какие проблемы? Конечно, было бы неплохо подсветить цель с земли...

– Проблемы в том, джентльмены, что объект вот-вот возьмут под контроль силы ООН. А еще проблемы в том, что истребители ООН закрыли воздушное пространство над Киевом. И самолеты, скорее всего, ВВС России или Беларуси. Они нас засекут еще на подлете и разорвут в клочья до того, как мы наведемся. А еще мы должны уничтожить объект немедленно. Это значит, атаковать надо днем.

– Охренели они там! – возмутился кто-то из бойцов. – Это же самоубийство!

– Вот именно, – хмыкнул Морган, прокручивая в голове варианты. – Можно сделать так. Я вас оставлю здесь, вы в воздухе мне не поможете, а сам на вертушке попытаюсь подобраться как можно ближе к цели и выпустить ракеты. А вы потиху проберетесь по земле к польской границе.

– Ты что, босс? На истребителях радары бьют на 250 километров. Они наш «стелс» засекут, еще на подлете. И тебе конец, и вертушке, и пилотам. Это самоубийство, босс.

– Да пошли они нахрен со своими приказами, – возмутился еще один боец. – Мы одна команда и тебя не бросим. Или вместе сдохнем, или вместе свалим. Так, ребята?

Оперативники в отсеке одобрительно загудели.

– Ладно, девочки, не верещите, – агент сделал решительный жест рукой. Дайте подумать.

В это время ожила связь с центром.

– Группа «Зулу», подтвердите прием приказа. Немедленно приступить к воздушной атаке на объект. Подтвердите прием приказа.

Поправив гарнитуру, Морган медленно обвел своих бойцов тяжелым взглядом. Те один за другим отрицательно кивали головой.

– Валить надо отсюда, босс, – тихо прошипел один из оперативников. – Мы ведь давно хотели перекинуться в частную военную компанию. Сейчас самое время.

– Разрешите высказать свое мнение, сэр, – приняв решение, послал Морган в эфир сообщение, не зная, кто на том конце связи. Может, сам директор Хастер.

– «Зулу-мастер», немедленно приступите к выполнению задания! – получил он в ответ.

– Разрешите высказать свое мнение, сэр, – с вызовом повторил цэрэушник, понимая, что система кодирования делает его голос бесцветным и лишенным всякой интонации.

– Разрешаю, – послышалось после небольшой паузы.

– Идите в жопу, сэр, – прокричал в усик микрофона Морган, и оперативники в салоне самолета разразились одобрительными криками.

* * *

– Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! – Хастер в порыве неконтро-

лируемой злобы смахнул с рабочего стола несколько папок с документами, планшет и пару телефонов. – Как он мог! Сука! Изменник! Где он? Наведите на него юков¹⁰, ооновцев, кого хотите. Я хочу, чтобы его скальп висел у меня в кабинете!

– Сэр, позвольте напомнить мне, что у агента Моргана практически невидимый «Black Hawk» последней модификации, который стоит почти тридцать миллионов. Вернее, стоил три года назад, когда доллар еще что-то значил, – неодобрительно посмотрев на разбросанные по полу листы секретных документов, ответил куратор украинской операции.

– Знаю! Знаю, черт возьми! – директор ЦРУ поправил галстук, как бы давая понять, что короткий приступ истерики закончился. – Свяжитесь с нашей станцией в Варшаве. Пусть подключат поляков, может они смогут засечь Моргана на пересечении границы. Ведь куда-то же ему надо будет лететь.

– Он может лететь куда угодно. С этим вертолетом его примут в любом месте. Наиболее вероятные направления – Турция или Балканы. Там сейчас рассадник наемников. Дуваю, именно туда он и направляется.

– Ладно. Сделайте все возможное, – Хастер нагнулся и подобрал с пола спутниковый телефон. – А я пока свяжусь с Локартом.

¹⁰ Презрительное название украинцев, часто используемое в США.

Когда куратор вышел, директор обхватил голову руками. Как? Как со славянами удавалось работать его предшественникам десятки лет назад? Как удалось развалить Советский Союз, Варшавский договор? Как подобрали под себя Украину? Как втянули в войну Москву? Если бы этот украинский спецназовец действовал, как ему было предписано, все бы прошло по плану. Если бы...

– Дуглас, дружище, – Хастер, стараясь выглядеть как можно более уверенно, взглянул на экран, на котором появился министр обороны. – У нас возникли маленькие проблемы.

– Знаю, – Локарт, вопреки ожиданиям, был спокоен, только казался более задумчивым, чем обычно. – ООН высадился в Киеве и, скорее всего, уже контролирует заряды.

– Послушай, может можно еще что-то сделать, – Хастер с надеждой взглянул на министра. – У нас же есть активы в Польше, Болгарии. Пару крылатых ракет решат все. Ооновцы пока не добрались до склада, они высадились в другом аэропорту. У нас есть еще время. Давай нанесем удар и уничтожим склад на базе спецназа. Скажем, что ракету запустили поляки.

– Не получится. Наши пуски засекут русские. А ракеты собьют истребители, контролирующие пространство над Киевом. Своим ударом мы только обострим обстановку.

– Но что-то же надо делать. Через несколько часов об этом будет знать Уолберг и тогда нам конец.

– У тебя есть контрактники в Киеве... Может штурм?

– Ты шутишь. Их всего рота. Против батальона спецназа, которому наверняка окажет поддержку авиация ООН.

– Тогда остается одно, – пожал плечами Локарт. – Валим все на твоего человека. Он – террорист, вошел в сговор с командованием базы Киртлэнд, совместно они совершили нападение на хранилище, завладели ядерными зарядами и хотели продать их юкам.

– Эй, эй, а Министерство обороны тут вроде бы не при чем? – Хастер с вызовом посмотрел на министра. – Так не пойдет. Мы в этом дерьме вместе. И вместе будем его расхлебывать.

– Не совсем так, Шон. Операцию организовал и провел ты, своими силами. Даже офицеров с ядерного центра в Киртлэнде вербовали твои люди. Морган твой. Ты все это время контролировал заряды. Полякам отдавал приказы тоже ты. Все, кто участвовал в деле с моей стороны, благополучно застрелились еще три года назад.

– Ты скотина, Дуглас! – тихо сказал Хастер, понимая, что оказался загнанным в угол. Министерство обороны сейчас контролировало практически всю страну, и тягаться с Локартом по силе и влиянию было бессмысленно.

– Не надо, Шон. Ты начал игру и проиграл, – сухо улыбнулся с экрана министр. – Хочешь совет? Пока это дерьмо не влетело в вентилятор, собирайся и вали из страны. Средства и возможности у тебя есть. Я тебе мешать не буду. Думаю, суток тебе будет достаточно. Авиакатастрофа над оке-

аном нас полностью устроит. Обещаю, что не буду слишком уж усердно искать остатки твоего самолета.

Китай. Пригород Шанхая Хучжоу. Штаб-квартира ООН

После эвакуации из Нью-Йорка новая штаб-квартира ООН расположилась в Хучжоу, ближнем городе-спутнике Шанхая, который местные власти планировали развить в мощный деловой центр и перенести туда часть активности из переполненного людьми и машинами центра мегаполиса. Пятнадцать лет назад на живописном берегу озера Тайху выросли современные высотки офисных зданий, отелей, выставочных центров, вслед за ними появились обустроенные жилые кварталы со всей необходимой инфраструктурой. Некоторые компании даже начали перебираться из Шанхая в Хучжоу, но в это время в США началась денежная реформа, которая спровоцировала во всем мире жестокий экономический кризис. Деловая активность в Китае резко пошла на спад, государство фактически ввело в экономике режим ручного управления, и Хучжоу превратился в один из многочисленных пустующих свежестроенных городов-призраков, разбросанных по всей стране. Причем городу повезло меньше других. Государство запустило программу субсидирования жилья для граждан, компенсируя часть затрат на его покупку или аренду, поэтому пустующие квартиры понемногу заполнялись, а вот с деловой недвижимостью были

большие проблемы. Поэтому миллионы квадратных метров офисных площадей, построенных в Китае во время бурного роста экономики, так и остались невостребованными.

Штаб-квартира ООН заняла в Хучжоу почти весь пустовавший до этого деловой центр, превратив его в одно из самых оживленных мест в стране. Туда же переехало большинство подконтрольных ООН организаций, включая командование Сил по поддержанию мира, в состав которого теперь входила и серьезная ядерная составляющая.

За время долгой вулканической зимы в ООН не прекращалась работа по выработке новой архитектуры международной безопасности, значительному укреплению силовых элементов и постепенному преобразованию организации в нечто, начинающее отдаленно напоминать единый орган глобальной законодательной власти, решения которого, поддержанные большинством, были обязательны к исполнению всеми государствами-членами ООН.

Несмотря на ураганы, холод и снегопады, за три года зимы Генеральная ассамблея ООН собиралась семь раз. Последняя сессия длилась почти две недели, пока в результате непрекращающихся долгих переговоров на уровне глав государств не было выработано решение, устраивающее подавляющее большинство стран.

А договариваться нужно было о многом.

Основной проблемой ООН с момента основания считалась ее неэффективность, в основе которой лежало несколь-

ко ключевых факторов. Главным из них было значительное различие глобальных интересов двух самых влиятельных центров силы, представленных в ООН – СССР и США.

В конце прошлого века после окончания холодной войны и распада социалистического лагеря США вместе с ведомой ими коалицией в лице НАТО и еще двух десятков государств, продавших свой суверенитет за мелкие долларовые подачки и возможность примкнуть к лагерю победителя, имели фактическую монополию на принятие решений. Их авторитет иногда вяло оспаривался Россией, которая в то время еще наивно надеялась, что Запад примет ее как равногo партнера, и Китаем, экономика которого только начинала подниматься. Но попытки этих двух стран противостоять растущей гегемонии США были вялыми и беспомощными.

Расширение НАТО к границам России, проводимое вопреки данным СССР обещаниям, расчленение Югославии, бомбежки Белграда, операция «Буря в пустыне», которая постепенно переросла в фактическую оккупацию суверенного государства, попытки дестабилизировать ситуацию на Кавказе – все это и многое другое из того, что происходило в мире в девяностых и начале двухтысячных, явилось следствием фактического ухода России с международной арены.

Но, пожалуй, основным ударом по системе международных отношений, основанной на принципе равной безопасности, было то, что США провозгласили себя мировым лидером и на правах победителя начали интерпретировать меж-

дународное право исключительно в своих интересах. Совет Безопасности превратился из ключевого органа ООН в бесполезную с практической точки зрения трибуну для выражения различных точек зрения. Решения, невыгодные США, блокировались правом вето, а в случае блокировки тем же правом решений, которые продвигали США, они просто игнорировали совбез, создавали из союзников очередную «международную коалицию» и делали то, что считали нужным.

Именно тогда, в начале века, опрос, проведенный независимым агентством в десятках стран, показал, что больше половины населения планеты считают США основной угрозой миру. И вполне естественно, что этой угрозе должен был возникнуть адекватный противовес. Россия и Китай, видя, что их интересы попросту игнорируются США, начали выстраивать нечто похожее политический союз, основанный на общности интересов. А ключевой интерес был один – противостоять растущему грубому давлению США, которые к тому времени уже считали себя властелином мира и старались это всячески демонстрировать.

Когда Америка поняла, что на международной арене кроме нее появилось еще два мощных игрока – Россия и Китай, готовые жестко отстаивать свои интересы, было уже поздно. Неформальный антиамериканский лагерь был создан. С этого момента стало очевидным наличие двух мощных антагонистических глобальных групп, ведомых США, с одной сторо-

ны, и Россией и Китаем – с другой. Кардинальное различие геополитических интересов этих групп делало работу ООН в начале двадцать первого века весьма далекой от эффективности.

Видя бесполезность ООН, США просто стали игнорировать ее решения. Вашингтон заявил, что их национальные интересы имеют приоритет над международным правом, могут распространяться на любую точку мира и для того, чтобы их защитить, Америке не нужны никакие санкции или резолюции Совета Безопасности. Так практике применения международного права был нанесен сокрушительный удар.

Именно неспособность Совета Безопасности ООН принимать и применять на деле значимые решения была вторым ключевым фактором неэффективности этой организации.

Еще больше запутывали ситуацию основополагающие документы ООН. Устав и более двух десятков различных деклараций нечетко расставляли юридические акценты и оставляли возможность двоякого, а то и совсем вольного толкования основных принципов международного права. Взять хотя бы «права человека», которые при желании могли интерпретироваться и как возможность пользоваться ими любым гражданином, и как обязанность государства их обеспечить чуть ли не вопреки желанию этого самого гражданина. И такие разночтения встречались во всех документах, в том числе и тех, что определяют целостность государства и право нации на самоопределение.

Именно с переработки Устава и сведения основных принципов деятельности ООН, содержащихся в различных декларациях, в обязательный для исполнения Кодекс Россия и Китай начали реформу организации. За три года вулканической зимы, когда экономическая и политическая активность в мире была минимальной, в засыпанном снегом и продуваемом шквальными ветрами Хучжоу дипломаты ООН усердно работали над новой версией основополагающих документов. Главной целью было создать на основе консенсуса предельно четкий документ, исключающий двоякие толкования и интерпретации, а также механизм его применения, сводящий дестабилизирующий человеческий фактор к минимуму. При этом консенсус как способ принятия решений, поддерживаемых большинством, был ключевым в работе России и Китая в ООН.

Где убеждением, где гуманитарной помощью, а где и откровенным экономическим подкупом тандему удалось привлечь на свою сторону подавляющее большинство стран-участниц. Слабое сопротивление оказывали только США, но, видя, что расклад явно не в их пользу, делали это, скорее, чтобы обозначить свою оппозицию, чем серьезно рассчитывая на успех. Европа, за исключением Великобритании и Польши, которые так и не смогли перебороть свою генетическую ненависть к России и всему, что она делает, тоже поддержали США, но большая часть континента восприняла реформу ООН вполне конструктивно и приняла в ней

довольно активное участие.

Ключевым событием для новой редакции Устава и Кодекса было принятие принципа государственного многообразия. Любое государство имело право выбрать ту систему управления, которая наиболее соответствовала его истории, традициям, религии, культуре, в случае если за это выступало большинство населения, либо в случае, если большинство населения активно не выступало против. Ни одна из политических конструкций от монархии или военной диктатуры до самой широкой демократии новыми документами не отвергалась. Однако в них было оговорено, что несогласные этнические, религиозные или культурные группы имели гарантированное ООН право на максимально широкую автономию и самоопределение.

Полное отделение не приветствовалось, так как могло вызвать волну дробления государств, при которой более богатые области отделяются от бедных, тем самым ухудшая общую обстановку в стране. Активное навязывание своей религии, политической, экономической и социальной систем другим государствам считалось противозаконным.

Принятие принципа многообразия окончательно положило конец насаждению Америкой своей модели «демократии» там, где это было ей выгодно. Хотя к моменту принятия Кодекса у нее из-за катастроф на это уже не было ни сил, ни ресурсов.

На основе принципа многообразия выстраивалась и мо-

дель отношений государств в рамках ООН, которая должна была превратиться из пустышки в реальную силу по поддержанию на планете порядка и предотвращения конфликтов. Здесь тоже был свой основной принцип – невмешательство.

По сути, государства при соблюдении определенного свода простых правил могли проводить на своей территории любую политику. ООН вмешивалась только при военном конфликте с соседями, при серьезной угрозе мирному населению со стороны государства или при гуманитарной катастрофе.

Был изменен и сам механизм принятия решений, санкционирующих те или иные действия ООН по решению конфликтов. Прежде всего, был упразднен изживший себя Совет Безопасности.

В основе нового механизма лежала мощная, независимая от человека аналитическая система на основе искусственного интеллекта, которая, базируясь на ежедневных отчетах специальных представителей ООН, анализировала ситуацию в мире и в каждой отдельно взятой стране. В случае возникновения конфликта или события, которое ранее могло быть вынесено на совбез, ИСИН беспристрастно оценивал его тяжесть, потенциальные риски и варианты развития и, руководствуясь положениями Устава ООН и Кодексом, давал рекомендацию по степени вмешательства. Такую рекомендацию послы, представляющие государства в ООН, могли получить на свой личный рабочий терминал в любое время су-

ток. И у них было всего двенадцать часов, чтобы согласовать позицию своей страны и обозначить ее посредством простого голосования: «да, согласен», «нет, не согласен». Если посол по каким-то причинам не голосовал, его голос засчитывался в пользу рекомендации системы. Никаких обсуждений, никаких споров – просто «да» или «нет». Решения о дальнейших действиях принимались исходя из того, поддержало ли рекомендацию системы большинство или нет. В редких особо сложных случаях, затрагивающих интересы сразу нескольких государств или целых регионов, предполагалась возможность дискуссии на Сессии представителей, на которой можно было обсудить рекомендацию ИСИНа и выступить с коротким обоснованием своей позиции. Но опять же степень вмешательства ООН решалась быстрым общим голосованием.

Причем силы, средства и возможности для вмешательства были серьезные. Начав игнорировать ООН, США допустили еще одну ошибку. В рамках своей новой внешнеполитической доктрины, основанной на самопровозглашенном глобальном лидерстве и исключительности американской нации, они перестали рассматривать организацию как основной международный орган и к 2025 году радикально сократили в ней свое финансовое участие. Этим сразу же воспользовались страны Россия и Китай, которые стали основными донорами организации и могли оказывать решающее влияние на распределение бюджета, значительная часть которо-

го пошла на создание Сил по поддержанию мира ООН, подкрепленных собственными компактными ВВС и флотом боевых кораблей. Фактически при ООН был создан довольно мощный экспедиционный корпус, который мог появиться в любой точке мира, чтобы погасить конфликт, развести воюющие стороны или обеспечить прикрытие гуманитарной операции. Причем по новым правилам для применения миротворцев в экстренных случаях не нужно было даже голосования. Приказ отдавал Верховный Комиссар по представлению штаба Сил по поддержанию мира после рекомендации ИСИНа.

Первая же миссия ооновских вооруженных сил повергла американцев в ужас, когда подразделения *UNPC* успешно развели повстанцев и правительственные войска в Нигерии, да еще и объявили над страной бесполетную зону. Эта акция сделала бесполезным американский авианосец, с которого самолеты взлетали бомбить позиции правительственных войск, защищая прикормленную «демократическую» оппозицию. Очередная кровопролитная цветная революция для передела нефтяного рынка, спланированная США по стандартному сценарию, не удалась. Вскоре после введения сил ООН в Нигерии были проведены относительно демократичные и мирные выборы и к власти как раз пришла та самая оппозиция, но уже вполне мирным путем. Не то чтобы это помогло стране. Нигерия так же и осталась Нигерией, страной с нищим народом, коррумпированной, клановой, разди-

раемой на части международными корпорациями. Но прецедент состоялся – войска ООН вмешались в конфликт, стороной которого фактически являлись США, и остановили его. После этого Америка, устроив истерику в тогда еще не сформированном Совете Безопасности, так ничего и не смогла сделать. Нельзя ведь наложить санкции на ООН.

Еще одним достижением тандема стало введение в Силы по поддержанию мира ядерной компоненты, которая после разоружения ядерных держав осталась единственным официальным элементом стратегических ядерных сил в мире.

Ядерные силы ООН состояли из четырех стратегических подводных лодок с ядерными баллистическими ракетами на борту и четырех подводных лодок, оснащенных крылатыми ракетами большой дальности, способными нести ядерное оружие. От бомбардировщиков и наземных баллистических комплексов было решено отказаться по одной простой причине – аэродромы базирования стратегической авиации и пусковые шахты ракет были привязаны к национальным территориям, что не позволяло исключить элемент влияния на них со стороны их правительств. Подводные лодки, напротив, во время патрулирования были полностью независимы и в случае комплектации проверенными и должным образом подготовленными ооновскими экипажами обеспечивали гарантированное выполнение команд, поступающих из ООН. Из четырех подлодок каждой группы одна постоянно находилась на обслуживании, три другие патрулирова-

ли в Атлантике, Индийском и Тихом океанах при поддержке групп надводных кораблей, вошедших в состав объединенного флота *UNPC*. Такой ядерный кулак, способный практически безнаказанно нанести удар в любой точке мира, был надежным фактором сдерживания даже самого оголтелого агрессора.

В результате реформы произошло еще одно важное изменение. После роспуска Совета Безопасности был создан Верховный Комиссариат ООН, который управлял организацией и работой немногочисленных комиссий, комитетов и специализированных программ. Несмотря на то, что решения Комиссариата ООН носили рекомендательный характер, они воспринимались государствами очень серьезно, так как при их принятии учитывались глобальные тенденции, проводился анализ и моделирование самых сложных сценариев, а такие возможности были далеко не у всех стран. По сути, Верховный Комиссариат представлял собой прототип исполнительного органа, способного в будущем при определенных обстоятельствах развиться в полноценное глобальное правительство.

В общем, ООН постепенно превращалась из разговорного дипломатического клуба во вполне эффективный международный инструмент. Его задекларированными целями были поддержание мира, предотвращение гуманитарных катастроф и борьба с ними, развитие гуманитарного сотрудничества между государствами и глобальные рекомендации по

широкому спектру экономических вопросов, подкрепленные финансированием конкретных программ.

Несмотря на то, что в ООН главенствовал принцип равноправия, в организации сложился своеобразный центр тяжести, вокруг которого вращался весь пусть и изрядно подчищенный, но все еще довольно громоздкий механизм. Этим центром стал БРИКС вместе с широкой группой ассоциированных членов, перевалившей за пятьдесят государств. В этом сообществе Китай и Россия, оказавшиеся на момент окончания вулканической зимы первой и второй экономической мира, занимали если не доминирующую, то максимально авторитетную позицию. Такая ситуация позволяла тандему и их союзникам, практически не встречая сопротивления со стороны США и развалившейся Европы, заниматься как реструктуризацией самой организации, так и постепенным выстраиванием нового миропорядка, основанного на максимально возможном соблюдении интересов большинства стран.

Поскольку в решении международных проблем полностью полагаться на искусственный интеллект было невозможно, по инициативе тандема было создано полуформальное сообщество министров иностранных дел ключевых стран. Министры обычно собирались раз в месяц на несколько дней без определенной повестки и обсуждали «без галстуков» текущие проблемы, причем не только международные. После таких встреч нередко возникали интересные проекты,

шлифовались гуманитарные программы, да и мидовцы разных стран стали понимать интересы друг друга гораздо лучше. Чтобы это сообщество не превратилась в восточный базар или бесполезный коктейль-клуб, для участия в каждой сессии были введены довольно солидные взносы. Это сразу отсеяло около сотни небогатых стран из Африки, Азии и Америки, а вместе с ними огромное количество мелких локальных проблем, и дало возможность министрам крупных стран заниматься действительно важными вопросами. Такая схема позволяла держать количество участников в пределах 40—50 человек. Впрочем, если какая-либо из стран считала, что ей есть о чем поговорить, она просто платила разовый взнос и посылала своего министра, который делился своей проблемой с коллегами.

Помимо восстановления после вулканической зимы, в апрельскую встречу министров предполагалось обсудить следующие этапы разоружения, поэтому мидовцев собралось больше обычного. Хотя предложения по формату дальнейшего разоружения должны были быть вынесены на сессию генассамблеи только через месяц, очень многим хотелось еще раз обсудить саму идею и обговорить подходы к ней.

Если не считать нападения на Центр ядерных материалов в Киртлэнд, процесс передачи ядерными державами стратегических боеголовок под контроль ООН в целом прошел довольно гладко. Все страны, обладающие стратегическим ядерным оружием, передали оговоренное количество бое-

вых блоков для их разборки, транспортировки и хранения в специальный центр, организованный в Антарктиде. Кроме этого, Россия, США, Китай и Великобритания передали под контроль ООН несколько своих ядерных подводных лодок, которые составили основу международных Сил стратегического сдерживания. Сопrotивлялся только Израиль, вначале утверждая, что у него вовсе нет ядерного оружия, затем, что все боеголовки тактические, но под угрозой международной изоляции сдался и он, допустив к себе ооновских инспекторов и открыв свои арсеналы.

В результате первого этапа разоружения мир практически полностью лишился стратегического ядерного оружия. Конечно, все участники понимали, что каждая из стран могла оставить у себя десяток или два стратегических боеголовок, но это мизерное количество не влияло на общую картину безопасности, особенно принимая во внимание то, что у ООН появился независимый мощный стратегический кулак в виде восьми стратегических подводных лодок, оснащенных ядерными ракетами. И этот кулак мог обрушиться на любую точку мира, чтобы стереть с лица земли нарушителя спокойствия.

Второй этап разоружения предполагал демонтаж и сдачу под международный контроль тактического ядерного оружия и казался намного более сложным не только потому, что тактических боеголовок было значительно больше. Практически все государства, обладающие ядерным оружием, ис-

ключая Россию и Китай, считали тактические боеголовки средством обороны и последним уровнем обеспечения национальной безопасности. С одной стороны, это было понятно. С другой стороны, если исключить из уравнения Россию, которая традиционно обладала самым большим арсеналом тактических зарядов и сама настаивала на разоружении, у таких ядерных держав, как США и Великобритания, оставались огромные арсеналы тактического оружия и средства их доставки в любую точку мира. Учитывая тот факт, что обе эти страны на протяжении истории не раз доказывали свою агрессивность, это очень беспокоило неядерные государства.

Ситуация с тактическим ядерным оружием была сложной и по другим причинам. Даже сама его классификация была прописана недостаточно четко, вернее, их было несколько. По одной, под тактические попадали заряды мощностью до одной килотонны, по другой – до пяти килотонн, третья вообще основывалась не на мощности заряда, а на средствах его доставки – под нее попадали любые заряды, способные размещаться на средствах доставки малой дальности. Еще одной проблемой было то, что до этого момента никто на международном уровне всерьез не занимался ни учетом, ни достоверной статистикой по тактическим боеприпасам, поэтому определение их количества базировалось на умозаключении аналитиков и тех скудных крупицах информации, которые просачивались через мощную завесу секретности, выстроенную национальными правительствами.

Мнение, основанное на консенсусе специалистов по ядерному оружию, определяло общее число тактических зарядов в мире на уровне от тринадцати до четырнадцати тысяч единиц. Цифра, конечно, большая, но она не идет ни в какое сравнение с арсеналами тактического ядерного оружия, накопленными во времена холодной войны. Тогда только у США и СССР было около восьмидесяти тысяч тактических зарядов со значительным перевесом в пользу Советов. К тридцатым годам двадцать первого века превосходство России, имевшей около восьми тысяч зарядов, над США с пятью тысячами сохранялось. Около пятисот имелось у Китая, от нескольких десятков до сотни у Англии, Франции, Индии, Пакистана и Израиля. Причем, из всего списка только у России и США имелся полный арсенал средств его применения: артиллерийские снаряды, минометные мины, закладываемые фугасы, оперативно-тактические ракеты, системы залпового огня, торпеды, морские мины и, конечно, авиабомбы всех типов. Остальные страны в основном полагались на авиацию и ракеты малой дальности.

Даже разобраться в этом многообразии средств поражения, перевести предполагаемое количество попадающего под разоружение оружия из категории «возможно» хотя бы в категорию «скорее всего» было делом чрезвычайно сложным. Особенно, если стороны не были готовы пойти на разоружение добровольно.

Имея достаточно авторитета в ООН и при поддержке по-

давляющего большинства, тандем мог бы без особых усилий организовать голосование, по результатам которого США и Великобританию обязали бы разоружиться, но Россия настояла на том, чтобы состоялся полный раунд консультаций и было выработано решение, приемлемое для всех.

После долгих размышлений тандем предложил подойти к проблеме с другой стороны: – на первом этапе сократить не ядерные боеголовки, а средства их дальней доставки. Поначалу и эта идея была воспринята в штыки, ведь к средствам дальней доставки, кроме ракет, с которыми все более-менее ясно, можно было отнести и авианосцы, и подводные лодки, и эсминцы, и стратегические бомбардировщики.

Компромисс нащупали не сразу. Прежде всего, был подписан договор о применении ядерного оружия только в целях обороны. Затем был подготовлен договор о неприменении национальными правительствами силы в международных отношениях. Отдельным протоколом к нему были подготовлены предложения об ограничении действия средств доставки тактических ядерных боеголовок радиусом в сто километров от национальных границ. Упор делался на то, что основным гарантом мира и решения споров на международной арене будет выступать ООН, а отдельные страны будут иметь право на оборону только в рамках своих территорий и зон, непосредственно к ним примыкающих.

В пользу предложенного формата сыграло и то, что мировая экономика находилась в жестоком кризисе, произошед-

шими в Америке, спровоцированном катастрофами и последовавшей за ними вулканической зимой. Ни одна из стран не могла похвастаться даже минимальной экономической стабильностью, не говоря уже о росте. Национальные бюджеты были урезаны до минимума. Практически во всех странах были введены карточные системы распределения ресурсов. Основной задачей правительств было не дать населению умереть от голода, обеспечить ему минимальный уровень подачи тепла и электричества и удержать от стихийных волнений и анархии. В этой ситуации расходы на вооружение были непозволительной роскошью и большинство стран их нещадно сокращало, все больше и больше полагаясь на вмешательство ООН в случае конфликтов с соседями.

Сильнее всего страдала от сокращения военных расходов Америка, которой пришлось урезать военный бюджет почти в десять раз – до пятидесяти миллиардов долларов по курсу до катастроф. При этом большая часть оставшихся средств тратилась не на вооружение, а на материальное и логистическое обеспечение армии, проводившей масштабные восстановительные операции в зонах бедствия и державшей под контролем население страны. Сокращение финансирования наслось на то, что на протяжении вулканической зимы весь надводный флот находился на континентальных базах США, практически не выходил даже в территориальные воды из-за жестоких штормов и ураганов, поэтому обслуживался по остаточному принципу. К концу зимы большинство

из девяти авианосцев, двадцати крейсеров, шестидесяти семи эсминцев, еще четыре года назад наводивших ужас на полуграмотных арабских и африканских крестьян, посмевших взять в руки оружие, имели довольно плачевный, побитый ржавчиной вид. А большая часть их экипажей присоединилась к сухопутным силам и трудилась, когда позволяла погода, в зонах бедствия.

Та же ситуация была и в ВВС. Еще до начала похолодания большая часть боевых самолетов была возвращена домой, чтобы прикрыть страну с воздуха в случае возможного нападения России и Китая. К тому времени почти вся транспортная авиация уже находилась на континентальной территории США и работала двадцать четыре часа в сутки, перевозя беженцев и ресурсы. С наступлением вулканической зимы и не прекращающихся снежных штормов все самолеты оказались в снежном плену. В первый год никто даже не пытался чистить от снега взлетные полосы баз ВВС потому, что вся снегоуборочная техника была брошена в города и на основные магистрали, чтобы обеспечить доставку продуктов и материалов по стране. К концу зимы ВВС США представляли собой печальное зрелище – на крыло смогло подняться чуть больше десяти процентов самолетов, на поддержание боеготовности которых средства выделялись специальными директивами.

С вертолетами ситуация обстояла гораздо лучше. Большая часть из них, даже ударные машины, при первой же воз-

возможности привлекались к доставке грузов в засыпанные пеплом от Йеллоустона и снегом районы, где на начало зимы все еще находились несколько миллионов человек. К тому же ударные вертолеты с полной боевой нагрузкой осуществляли регулярное патрулирование небольших городов, чтобы показать практически полностью контролирующим их полубандитским формированиям, что центральная власть все еще существует.

В общем, к концу вулканической зимы вооруженные силы США были жалкой тенью той мощной машины, с помощью которой Америка пыталась несколько лет назад диктовать свою волю миру. Средств катастрофически не хватало даже на поддержание достойной боеспособности основных элементов на своей территории, не говоря уже о каком-либо уровне глобального присутствия. Поэтому несмотря на протесты американских генералов, существовал хороший шанс убедить президента Уолберга подписать договор об ограничении дальности потенциальных носителей тактического ядерного оружия до сотни километров. Кроме всего прочего, этот проект предполагал полный демонтаж стратегических баллистических ракет. Этот договор должен был привязать военно-морские силы государств к собственным берегам, а ВВС к собственному воздушному пространству, оставляя мировой океан торговым судам и быстро растущему военно-морскому флоту ООН.

Впрочем, опасаться Америке было особенно нечего. Во-

оруженные силы России и Китая после вулканической зимы тоже находились не в лучшем состоянии. Но одна разница все же была. У тандема сохранились экономическая и финансовая возможности быстро восстановить свой военный потенциал.

Именно дальнейшие перспективы разоружения неспешно обсуждали министры иностранных дел России, Китая и США, сидя вокруг открытого очага в уютной застекленной беседке из обработанного под старину дерева. Последние три года они много времени провели вместе, и госсекретарь Морисон все больше и больше убеждался, что, несмотря на негласное давление «эффекта», все еще висевшего дамокловым мечом над Америкой, тандем действительно настроен на равноправное партнерство.

Помощь в виде строительных материалов, оборудования, медикаментов, теплых вещей и всего, что было необходимо беженцам для выживания зимой, шла в США десятками сухогрузов как только позволяла погода. Обратно корабли грузились зерном и брали курс на Африку, Азию и Латинскую Америку, чтобы дать надежду на выживание умирающим там от голода людям. Такой обмен для Америки был более чем выгодным. Еще до начала первого года вулканической зимы за короткое, дождливое, но все еще не очень холодное лето 2031 года из материалов, поставляемых Китаем и Россией, удалось построить достаточно легкосборных помещений ангарного типа. В них в ужасной тесноте, но все

же в тепле смогли разместиться те десять миллионов беженцев, ради которых президент Лэйсон пыталась оккупировать южные провинции Канады.

Особенно радовало Морисона то, что тандем на равных обсуждает с Америкой и Великобританией возможные варианты разоружения, хотя, пользуясь в ООН своим положением непререкаемого лидера, мог бы протолкнуть любую нравящуюся ему резолюцию. Иногда он откровенно жалел, что его английский коллега с неподходящим нынешнему положению его страны снобизмом отказался принять доверительный тон в общении с Павловым и Шэнем, а держался подчеркнуто холодно и даже отстраненно. Может, он вел бы себя по-другому, если бы знал об «эффекте» и о том, что в действительности произошло в Санта-Фе четыре года назад.

На минуту упустив нить разговора, Морисон задумчиво вздохнул, глядя на свинцовые, чуть подернутые дымкой тумана воды озера Тайху.

– Вас что-то беспокоит, коллега? – прервав беседу, осторожно спросил китайский министр.

– Станный вопрос министру страны, которая потеряла двадцать миллионов человек пять лет назад.

– Прошу прощения, что прервал ваши размышления, – с легким поклоном ответил Шэнь.

– Это я должен извиниться, что на минуту выпал из разговора. Это озеро, туман, тишина... Все так мирно, спокойно, как будто и не было ничего, – грустно вздохнув, проговорил

Морисон.

– Мы как раз обсуждали операцию ООН в Киеве по захвату ядерных зарядов, – напомнил российский министр.

– И...

– Появилась новая информация от экспертов, – Палов взглянул в свой планшет. – Это заряды с боевых блоков от ракет воздушного базирования ВВС США AGM-69¹¹, которые были доставлены в Киртлэнд для демонтажа за день до нападения на Центр ядерных материалов.

– Черт возьми! Значит, террористам все же удалось вывести из подземного хранилища несколько боеголовок, – сдвинул брови госсекретарь.

– Мне кажется, ситуация несколько сложнее, – китайский министр сделал небольшую паузу, как бы обдумывая свои дальнейшие слова. – Дело в том, что у нас есть все основания предполагать, что нападение на Киртлэнд было организовано вашими военными с целью похищения ядерных боеголовок и их последующей передачи радикальным или террористическим группам для дестабилизации международной обстановки.

– Это невозможно. Никто из наших не мог пойти на это. После применения «эффекта» у генералов были четкие приказы от президента обеспечить максимальное сотрудничество с инспекторами ООН по разоружению, – вполне искрен-

¹¹ *Аэробаллистическая ракета воздух-поверхность ВВС США, используемая на стратегических бомбардировщиках для доставки ядерных зарядов.*

не возмущился американец. – Скорее всего, небольшой группе террористов удалось каким-то образом выбраться из хранилища, прихватив с собой несколько боеголовок.

– Послушайте наши аргументы, – российский министр снова заглянул в планшет. – Группа молодых офицеров базы нападает на хранилище ядерных материалов. У них есть ключи, коды, допуски и оружие, чтобы полностью захватить объект.

– Они даже не террористы! Это просто группа сумасшедших юнцов, отчаявшихся наблюдать, как гибнет их страна, – госсекретарь сделал энергичный жест рукой: – Посмотрите на их требования: отставка Уолберга, прекращение разоружения. Это просто нереально.

– Можно я продолжу? – Павлов вопросительно посмотрел на американского коллегу. – Требования нападавших были действительно бессмысленны. Мы думаем, что они вступили в переговоры, чтобы отвлечь внимание, выиграть время и оттянуть штурм. Им надо было пару часов, чтобы подготовить и вывести несколько боеголовок. Я уверен, что ваши военные предоставили ООН далеко не полный план подземного хранилища и там наверняка были скрытые выходы, эвакуационные или сервисные тоннели, о которых инспекторы не знали. Я думаю, что боеголовки были вывезены через один из них.

– Но ведь на них должны были быть маяки, – не унимался Морисон.

– Маяки можно отключить или в крайнем случае, если вы неспециалист, экранировать. Позволю себе напомнить, – сдержанно улыбнулся Павлов. – Среди нападавших было несколько технических специалистов ядерного центра, для которых отключить маяки и подготовить заряды к транспортировке не составило бы проблем. Но слушайте, что происходит дальше. Несмотря на явную угрозу ядерным материалам, Министерство обороны не дает команды на штурм. Это можно оправдать. В хранилище установлена автоматическая система охраны, пушки, огнеметы, и надо хорошо подготовиться, попытаться все это отключить. Допустим, ваши генералы не хотели отправлять штурмовые группы на верную смерть. Но почему в самом начале не был отдан приказ об обрушении купола. Это могло бы решить проблему сразу и быстро.

– Мы пытались договориться с террористами, – вяло возразил госсекретарь. – Это ведь все же наши офицеры. Наверно, командование решило дать им последний шанс сдаться. К тому же внутри была группа экспертов ООН.

– Я уверен, что, если бы руководство ООН знало о возможности обрушения купола, они бы сами вас об этом попросили, – вступил в разговор китайский министр. – Риск от того, что около тысячи ядерных зарядов вышли из-под контроля, был слишком велик. Ведь если бы нападавшие действительно оказались террористами-фанатиками, они бы могли взорвать один или несколько зарядов прямо в храни-

лице. Тогда половина Санта Фе и южные пригороды были бы стерты с лица земли, а весь юг США был бы покрыт радиоактивными осадками. Тысяча боеголовок по пятьдесят килотонн после детонации хотя бы одного заряда превратились бы в грязную бомбу гигантских размеров.

— Это все косвенные доказательства, — Морисон, чувствуя, что главные аргументы впереди, с вызовом обвел взглядом собеседников. — Что еще вы можете предложить в пользу своей теории?

— Давайте пока закончим с косвенными, как вы сказали, доказательствами, — снова улыбнулся российский министр. — А их еще несколько. Вам не кажется странным, что с такого важного объекта была снята внутренняя охрана из военнослужащих ВВС, а вместо нее нанята не самая компетентная частная военная компания? Вам не кажется странным, что за несколько недель из подземного хранилища было вывезено все более-менее стоящее оборудование, а также носители и материалы, не подпадающие под разоружение? Вам не кажется странным, что начальник базы ВВС Киртленд и его заместитель сразу после инцидента покончили жизнь самоубийством при довольно загадочных обстоятельствах? Вам не кажется странным, что произошло сильное радиоактивное заражение хранилища и окружающих территорий, хотя все эксперты говорят, что при механическом воздействии на заряды, даже таком мощном, как падение бетонного щита тридцатиметровой толщины, утечка радиации таких мас-

штабов просто невозможна? Не странно ли то, что к загрязненной территории не подпускают никого, даже ооновских экспертов? Она охраняется гораздо лучше, чем само хранилище до инцидента.

– Господа, – госсекретарь, изобразив на лице непонимание, развел руками. – Мне все это действительно кажется странным. Но это не доказывает причастность руководства вооруженных сил США к нападению на хранилище.

– Тогда слушайте дальше, – спокойно продолжил Павлов. – Радиационное заражение в Киртлэнде происходит не от оружейного плутония, из которого состоят ядерные заряды. Это изотопы урана 233, которые получаются в результате отработки ядерного топлива первого цикла на электростанциях.

– Откуда вам это известно? – госсекретарь обвел коллег удивленным взглядом. – Вы же сами сказали, что к загрязненной территории никого не пропускают.

– Нам удалось взять образцы сразу после обрушения купола и выброса радиоактивной пыли, – ответил Шэнь. – При этом наши специалисты получили серьезные дозы радиации.

– Ваши специалисты? – рассеянно переспросил Морисон.

– Алан, вы же профессионал. Неужели вы думали, что мы оставим такой важный процесс, как демонтаж ядерных боеголовок, без пристального контроля наших э... специалистов, – китайский министр застенчиво улыбнулся. – Согласитесь, очень странно, что в ядерном центре ВВС США ока-

зались изотопы урана в таких количествах. Мы видим этому только одно объяснение – они были завезены туда специально, чтобы обеспечить радиоактивное загрязнение хранилища, которое, в свою очередь, должно предотвратить к нему любой доступ позволяющий провести расследование инцидента и подсчитать оставшиеся там заряды.

– Далее... Через несколько часов в ста двадцати километрах к северо-западу от Санта Фе на муниципальной дороге номер пятьсот пятьдесят произошел весьма странный инцидент. Колонну армейских грузовиков, вышедших из Киртлэнда, встретил хорошо вооруженный конвой. Во время передачи произошел радиообмен, позволяющий нам заключить, что содержимое грузовиков было напрямую связано с нападением на ядерное хранилище, – Павлов откровенно блефовал, в упор глядя на обескураженного госсекретаря уверенным, почти безразличным взглядом. – После того как конвой принял груз, на месте его передачи произошел мощный взрыв. Наши, как выразился мой коллега, специалисты смогли оказаться на месте только через две недели. Они нашли обгоревший автобус, внутри которого находились тринадцать обугленных тел. Как вы помните, нападавших на базу было четырнадцать, одного из них нейтрализовал инспектор ООН еще до того, как был захвачен нижний уровень. То есть число тел в автобусе совпадает с числом оставшихся в живых нападавших.

– Это могли быть кто угодно, – чувствуя нарастающее на-

пряжение, возмутился американец.

– Вполне, – с готовностью согласился Шэнь. – И вы сами можете это подтвердить или опровергнуть. Наши специалисты взяли образцы ДНК трупов, находившихся в автобусе. Вы поименно знаете тех, кто напал на хранилище. Это ваши офицеры. Сравните образцы ДНК, которые мы вам предоставим, с базой данных и убедите нас, что мы не правы.

– Мы, конечно, это сделаем, – пробормотал немного растерянно госсекретарь. – Но то, что вы говорите, просто невероятно.

– Невероятно то, что те, кто спланировали операцию в Киртлэнде, оставили после себя такую улику, как образцы ДНК в виде обгоревших, но хорошо сохранившихся на морозе тел. Они, по-видимому, понадеялись, что в этот пустынный район по снегу никто не доберется. А зря, – в голосе Павлова проскользнули назидательные нотки.

– Но почему вы сразу не поделились с нами своими подозрениями? – Морисон обвел собеседников недоумевающим взглядом.

– Здесь как раз все просто, – по лицу Шэня снова скользнула тень снисходительной улыбки. – Мы хотели довести процесс демонтажа стратегических боеголовок до конца. Ведь, по сути, десяток-другой неучтенных боеголовок, припрятанных той или иной стороной, никак не сможет повлиять на глобальную безопасность. Нам важно было не прерывать процесс, вовлечь туда Европу, Индию, Пакистан, Из-

раиль. Если бы мы четыре года назад придали огласке известные нам факты, разразился бы скандал. Сама концепция разоружения могла быть девальвирована, и оно оказалось бы под угрозой. Это было очень и очень нежелательно. В то время мы предполагали, что боеголовки таким довольно радикальным методом были выведены из-под контроля ООН с согласия верховного командования США. Мы понимали, что это не совсем честно, но готовы были с этим смириться для того, чтобы завершить разоружение.

– Теперь ситуация в корне изменилась, – подхватил Павлов. – Силам ООН в Киеве удалось без кровопролития захватить боеголовки потому, что командир батальона украинского спецназа добровольно пошел на сотрудничество. И здесь выяснилось, что ядерные заряды ему передал американец.

– Боже мой, – развел руками Морисон. – Да мало ли негодаев среди американцев. Этого американца вполне могли подкупить террористы или он мог работать на них по идейным убеждениям.

– К сожалению, все говорит о том, что здесь работали не террористы. По словам того же командира спецназа, боеголовки должны были быть переданы директору СБУ для применения на территории России, – продолжил блефовать российский министр. – Напомню, директор СБУ Чалый был напрямую связан с ЦРУ. Это известный и не раз подтвержденный им самим факт. Более того, в Польше была проведена

сложная спецоперация по замене ооновцев, которые должны были сопровождать самолет с грузом гуманитарной помощи в Украину, на агентов спецгруппы ЦРУ. Эта группа и заменила несколько паллет на контейнер с боеголовками. Такую операцию можно было провести только с согласия польских спецслужб, а они должны были получить инструкции от своих кураторов из ЦРУ. Дальше события в Украине развиваются еще интереснее. Командир спецназа, обнаружив, какой груз доставил ему американец, отказался передавать его директору СБУ. Тот блокировал базу спецназа и вызывал ударный вертолет с базы ВВС США в Польше. Видимо, для уничтожения или захвата боеголовок. Мы засекли вертолет уже над территорией Украины со спутника, но очень быстро потеряли, потому что он был в специальном исполнении «стелс» для сил спецопераций США. Как раз в это время в Киеве уже высаживались силы ООН. Повидимому, те, кто руководил операцией, поняли, что она провалена, и попытались подчистить концы. Через некоторое время американский вертолет-невидимка атаковал кортеж директора СБУ. В результате этой атаки последний был успешно ликвидирован. Это значит...

– Это значит, – без особого энтузиазма продолжил Шэнь, – что операция в Киртленд и передача боеголовок Украине спланирована на самом верху Министерства обороны США при участии ЦРУ.

– Секунду, господа, – недовольно засопев, госсекретарь

нацепил на ухо усик гарнитуры. – У меня звонок по чрезвычайной линии.

Он некоторое время слушал, изредка бросая на собеседников обеспокоенные взгляды из-под сдвинутых бровей, затем коротко ответил: «Нет, я ничего не знал о его планах» – и медленно сняв гарнитуру, положил ее на стол. Российский и китайский министры молча смотрели на американского коллегу, ожидая продолжения разговора.

– Господа, – наконец, решившись, заговорил Морисон. – Несколько часов назад самолет директора ЦРУ Хастера потерпел крушение. Упал в океан при взлете с аэропорта Сан-Франциско. Предполагаемая причина – сложные метеоусловия или техническая неисправность.

– Это довольно странно, – многозначительно проговорил Шэнь. – Насчет погоды надо уточнить, но мне сложно поверить, что самолет директора ЦРУ обслуживается настолько плохо, что может потерпеть крушение из-за технической неисправности.

– Да, это действительно странно, – нехотя согласился госсекретарь. – Но продолжим наш разговор. Все то, что вы сказали, действительно очень похоже на хорошо спланированную операцию, хотя сразу скажу, в том, что её провели наши военные или ЦРУ, вы меня не убедили. Что вы планируете делать дальше?

– Как вариант, мы можем подождать завершения первоочередных следственных действий, собрать все факты в бо-

лее-менее презентабельный документ и вынести его в ООН со всеми вытекающими отсюда для США последствиями, – сообщил российский министр.

– Как вариант? – осторожно переспросил Морисон, чувствуя, что они подходят к развязке разговора.

– Именно. Как вариант, – медленно кивнул Павлов. – Алан, мы не заинтересованы в оказании давления на США, особенно сейчас, когда речь идет о втором этапе разоружения. Более того, у нас есть подозрения, что операция в Киртленд не была санкционирована президентом Уолбергом. Это может означать только одно – в Америке есть силы, которые ведут собственную опасную игру, и, если они решились играть с ядерным оружием, кто знает, что еще у них в планах. Армия сейчас полностью контролирует все аспекты жизни в США. Пока она лояльна к президенту, но ситуация может измениться в любой момент.

– Вы считаете, что существует угроза нового переворота? – взгляд госсекретаря выражал крайнюю озабоченность.

– Да. Уолберг, опытный политик, но как лидер он слаб. Вы сами понимаете... Несмотря на чрезвычайные полномочия, данные президенту, страной реально руководит тот, кто командует вооруженными силами. В данный момент это министр обороны Дуглас Локарт.

– Черт возьми, господа, вы, по-моему, выстраиваете очередную теорию заговора, – Морисон нервно дернул плечами. – Локарт вполне вменяемый человек. Я его знаю десят-

ки лет.

– Возможно, мы действительно все усложняем, – примирительным, почти вкрадчивым голосом сказал Шэнь, пытаясь успокоить американского коллегу. – Но вспомните... Адмирал Брэдок был вменяемым человеком, однако это не помешало ему совершить военный переворот. Губернатор Калифорнии Митчел был вменяемым человеком, но это не помешало ему организовать сепаратистский мятеж. Лэйсон была вполне вменяемым человеком и не самым плохим президентом за последние десятилетия, однако она вплотную подвела и Америку, и весь мир к ядерной катастрофе. Сейчас очень сложное время. Мы все работаем на грани срыва. Я не удивлюсь, если у Локарта во время долгой зимы в голове возникли опасные мысли.

– К чему вы все это мне говорите? Мы сами разберемся, у кого какие мысли, – госсекретарь, понимая, что не может аргументированно продолжать разговор, начинал заметно нервничать.

– Поверьте, даже после инцидента с ядерными зарядами в Киеве мы не хотим обострять ситуацию, – поддержал китайского коллегу Павлов. – Но возможность дестабилизации Америки изнутри нас очень беспокоит. Мы дали вам максимум информации по инциденту в Киртлэнд и рассказали о своих подозрениях относительно ваших военных и ЦРУ. Это был прямой, откровенный разговор настоящих партнеров. Поделитесь им с президентом и, если мы оказались пра-

вы, если его реакция подтвердит, что он не давал санкции на операцию в ядерном хранилище, знайте – у вас на самом верху кто-то ведет опасную двойную игру, которая может окончательно уничтожить Америку. Задумайтесь, может быть, именно этого они и хотят.

США Нью-Мексико. Санта-Фе

Когда тяжелая старинная дверь из виргинского дуба, чуть слышно скрипнув на петлях, закрылась за госсекретарем, президент долго смотрел на нее лишенным всякой мысли взглядом. Он устал, чертовски устал. Он вконец измотал себя за четыре года вулканической зимы.

Несмотря на долгую политическую карьеру, Уолберг абсолютно не был готов к президентству. Оно само тяжким бременем свалилось на него после применения китайцами «эффекта» в Санта Фе и самоубийства Лэйсон. Как легко было быть сенатором от Калифорнии – процветающего штата, который сам по себе мог войти в десятку крупнейших экономик планеты, и с сознанием собственной исключительности и неуязвимости принимать решения, определяющие судьбу страны и всего мира. Как сложно и невыносимо больно быть президентом полуразрушенной страны, потерявшей в одночасье свое могущество, растерянной, униженной, просящей помощи у тех, кого она когда-то высокомерно презирала.

Хотя все могло сложиться гораздо хуже.

Например, китайцы могли бы применить «эффект» на всей территории США, ввергнув страну в средневековье. При одной мысли об этом Уолберг внутренне содрогнулся, представив, что стало бы с Америкой во время зимы без света, тепла, связи, и не смог найти слов, которые могли бы это

описать. Почему китайцы этого не сделали, оставалось для него загадкой. Будь у США на руках такое чудо-оружие, они бы не задумываясь использовали его на огромных территориях против всех, кто способен сопротивляться их воле. Может, теперь, когда Америка перестала представлять реальную угрозу, Россия и Китай действительно хотят вовлечь ее в строительство новой международной архитектуры. Это дорого, хлопотно, но все же сулит тандему немалые дивиденды уже в краткосрочной перспективе.

Несмотря на то что, основанная на долларовых долгах финансовая система, питавшая экономику США, была разрушена, технологии, а главное мозги, собранные в Америке со всего мира, остались. Пусть, забыв про патриотизм и наплевав на страну, давшую им возможность заработать колоссальные деньги, тот пресловутый один процент супербогатых американцев, сосредоточивших в своих руках почти семьдесят процентов национального благосостояния, сбежали из страны в первые же недели после катастроф. Черт с ними. Большинство из них сделали свои капиталы в области финансовых спекуляций и на интернете и не имели отношения к реальной экономике. Их можно понять, ведь тогда из страны бежали все, у кого был хотя бы миллион. Но самым главным было то, что в Америке остались современные производства, научные центры и лаборатории, самая совершенная в мире исследовательская инфраструктура, на которую в год тратилось не многим меньше, чем на армию. Да, все это

добро значительно потеряло в цене, но не в привлекательности.

Еще во время вулканической зимы, когда тепло и еда были основной заботой американцев, стало ясно, что крупные китайские и российские корпорации были готовы делить развалившийся американский пирог. Некогда процветавшие высокотехнологичные компании с радостью подписывали договоры о сотрудничестве с фирмами из Китая и России, создавали сотни совместных предприятий, с готовностью шли на крупные слияния и поглощения. Основательно потрепанному американскому бизнесу, как воздух, нужен был доступ к новой системе финансирования, основанной на внутренних валютах стран БРИКС, и он, забыв про патриотизм, с готовностью предложил себя тому, кто готов был больше заплатить. Это было понятно и с экономической точки зрения оправдано. Теперь после краха мировой финансовой пирамиды, основанной на долларе, появились три новые глобальные резервные валюты – юань, рубль и рупия, которые принадлежали новым мировым экономическим лидерам – Китаю, России и Индии.

Но не все американские компании пошли с молотка. Те немногие избранные, от которых напрямую зависела национальная безопасность, были в директивном порядке национализированы. Несколько десятков крупных холдингов в оборонной промышленности, электронике, фармацевтике, атомной энергетике, авиастроении, химической промыш-

ленности, нано- и биотехнологиях, несмотря на протесты акционеров, перешли под контроль государства вместе с персоналом и исследовательскими центрами.

Приоритетной задачей в области электроники стала замена элементной базы микропроцессоров, основанной на китайских полупроводниках, с тем чтобы оградить вооруженные силы и ключевую инфраструктуру Америки от применения «эффекта». За время трех долгих лет зимы огромные ресурсы были потрачены на то, чтобы обеспечить бесперебойную работу нескольких предприятий, производящих микропроцессоры и состоящие из них компоненты электроники. В результате через три года после применения китайцами «эффекта» в Санта Фе все основные элементы вооруженных сил США и все критические элементы инфраструктуры и управления государством работали на американских полупроводниках. Несмотря на то что китайские полупроводники, подверженные действию «эффекта», все еще использовались в подавляющем большинстве приборов и технике гражданского назначения от кофеварок до самолетов, можно было уверенно сказать, что с военной точки зрения страна себя почти полностью обезопасила от его применения. Немного раздражало и даже злило то, что, несмотря на колоссальные усилия лучших мозгов Америки, ученым так и не удалось разобраться в механизме запуска «эффекта», но и этот малоприятный факт с каждым годом все больше и больше терял свое значение.

В общем, все действительно могло быть гораздо хуже.

Вулканическая зима ударила по США с неотвратимостью ледяного Армагеддона. Особенно жестоким был первый год. После короткого промозглого, зябкого лета 2031 года, пропустив осень, сразу наступила жестокая, почти арктическая зима. Под давлением рвущихся с севера холодных фронтов температура быстро упала до критических минимумов почти по всей стране. Холод. Снег. Ветер. Три слова, ставшие настоящим проклятием для Америки на протяжении следующих четырех лет. Даже смерть была не так страшна, как ее ожидание в переполненных беженцами городах, где безраздельно царили холод, снег и ветер.

Первые обильные снегопады прошли в северных штатах уже в августе и к концу сентября укрыли всю страну вплоть до Мексиканского залива. Из накатывающих с территории Канады циклонов снег сыпал без перерыва, собираясь под порывами ветра в плотно сбитые сугробы, доходившие до окон вторых этажей. При таком количестве и интенсивности осадков расчистка магистралей была бесполезна, поэтому страна разбилась на несколько десятков изолированных друг от друга анклавов, жители которых были предоставлены сами себе на протяжении долгих восьми зимних месяцев.

Хорошо было то, что в течение короткого лета 2031 года проблема с размещением беженцев была практически полностью решена. Тандем предоставил огромное количество строительных материалов, из которых были сооружены

быстровозводимые утепленные помещения ангарного типа, где смогли разместиться все беженцы.

Несмотря на общий дефицит энергии, электричеством все-таки удалось обеспечить все анклавы и около десятка крупных городов в зоне поражения цунами. Здесь тоже очень помогли русские и китайские специалисты, вовремя подключившиеся к ремонту разрушенной цунами энергосистемы и оказавшие помощь в запуске реакторов атомных электростанций на восточном побережье. Но ситуация с дефицитом энергии, а значит и с теплом, была решена лишь частично. Сотни тысяч индивидуальных домовладений получали электричество по несколько часов в день, в остальное время полагаясь на собственные силы при отоплении своих домов. Тем, у кого были газовые котлы, повезло – перед зимой удалось под завязку заполнить локальные хранилища сжиженного газа, потому что его производство и доставка населению были практически бесперебойными. Тем же, кто полагался на электричество, пришлось осваивать примитивные, сваренные из металлических листов печки и использовать в них все, что может гореть, либо пробираться по снегу в ближайший пункт обогрева, который мог находиться в десятках километров от их дома. До начала зимы таких пунктов обогрева, снабженных дизельными или газовыми термопушками и совмещенных со складами продовольствия и теплой одежды, по всей стране были созданы тысячи. Но все равно этого катастрофически не хватало, чтобы

обогреть всех людей, застрявших в небольших отдаленных городках и фермерских поселках, и по всей стране люди тысячами умирали от холода.

Продуктов питания, воды и топлива хватало с избытком. Основной проблемой оказалось то, что все это было практически невозможно транспортировать по стране из-за того, что дороги замело снегом. Запасы в домах, созданные летом по рекомендации *FEMA* в расчете на шестимесячную зиму, кончились, как и планировалось, через полгода, но первая зима длилась восемь месяцев. В рамках анклавов проблемы с ресурсами не существовало, но всем, кто находился вне зоны их обеспечения и не создал достаточно больших запасов, пришлось голодать.

Самой тяжелой ситуация была в зонах бедствия. По данным, поступавшим из районов поражения цунами и значительных пепельных осадков, на момент наступления холодов, несмотря на все усилия по эвакуации, там все же осталось более девяти миллионов человек, сосредоточенных в основном в городах и крупных поселках. В большинстве из них военным удалось создать минимальную инфраструктуру для выживания долгой зимой, но с ее наступлением стало ясно, что ни запасов продуктов, ни топлива для генераторов и термопушек не хватит. Конечно, при первой возможности в эти районы расчищались дороги и отправлялись конвои из десятков грузовиков, но все отдавали себе отчет, что коренным образом ситуацию со снабжением поправить было

невозможно.

Теперь, когда наступила весна, из зон бедствия стали приходить первые сводки по погибшим и пропавшим без вести. Они были ужасающими. По самым предварительным подсчетам, три года вулканической зимы не пережили около девятисот тысяч человек. Вместе с подтвержденными потерями на остальной территории США получалось, что во время похолодания по самым оптимистичным прогнозам погибло более двух миллионов ста тридцати тысяч американцев. Этот факт, сам по себе являющийся трагедией, с наступлением полноценной весны привел к еще одной колоссальной проблеме. Каждый год во время короткого лета в тех местах, где сходил снег, открывались десятки тысяч трупов, оставленных в нем зимой из-за того, что для их захоронения не было ни сил, ни средств. Созданные из гражданских и военных многочисленные похоронные команды работали почти круглые сутки, но все же не справлялись с захоронением, и при плюсовой температуре тела начинали медленно разлагаться, создавая очаги эпидемий, вносящих свой смертоносный вклад в статистику смертей.

Во всей этой близкой к хаосу ситуации самым удивительным было то, что страна сумела сохранить управляемость. Да, в значительном количестве небольших анклавов и их районов, там, где для поддержания порядка не удалось разместить серьезные военные силы, власть перешла к гражданским милициям или вообще к бандам. Оружия у насе-

ления хватало, поэтому и те, и другие представляли собой достаточно серьезную силу. Однако местные вооруженные формирования не шли на прямой конфликт с федеральной и муниципальной властью, опасаясь открытого вмешательства военных и прекращения поставок энергии и продуктов.

Как и предполагалось, армия была ключевым элементом в поддержании порядка и контроля над страной во время зимы. Главным было то, что она сама сохранила управляемость и лояльность президенту. Вооруженные силы находились на особом обеспечении. Им доставалось лучшее из того, что было в стране, и, понимая это, военные делали все, что от них требовала Администрация Уолберга.

Армейские подразделения разной силы были расквартированы почти во всех крупных населенных пунктах. У них имелась связь, оружие и большинство были укомплектованы тяжелой техникой для расчистки снега. К тому же военные охраняли склады с продуктами и топливом, поэтому именно у них была реальная власть. Причем власть настолько полная, что президент иногда задумывался, кто же на самом деле управляет страной: его Администрация или Министерство обороны.

И вот теперь госсекретарь Морисон сообщил, что русские и китайцы подозревают... Уолберг нервно покусал губы. Нет, все звучало так, что они были уверены в том, что руководство Министерства обороны и ЦРУ были причастны к инциденту в ядерном центре Киртленд и что боеголовки,

похищенные оттуда, были доставлены спецслужбами США в Украину для их применения против России.

Несмотря на кажущуюся невероятность, аргументы тандема звучали вполне убедительно, но самым отвратительным было то, что, если тандем прав, за его спиной Локарт и Хастер вели какую-то свою опасную игру. Вернее, Хастер уже доигрался. Или странная катастрофа его самолета – это не случайность? В любом случае, остается министр обороны Локарт, в руках у которого сосредоточена реальная власть над страной.

Закрыв глаза, Уолберг тяжело и прерывисто вздохнул. Он не был мастером тонких политических интриг и раскладов. Его уважали в Сенате за спокойный и взвешенный характер, за неконфликтность и готовность искать компромисс. Он всегда был чем-то вроде противовеса, сдерживавшего наиболее горячих и воинственных коллег, причем как со стороны своей демократической партии, так и со стороны республиканцев. Он даже входил в группу наиболее опытных и авторитетных сенаторов, выступавших в роли некоего третейского суда и зачастую кулуарно находившего компромиссное решение сложных вопросов, по которым две партии не могли договориться в Конгрессе открыто.

И вот теперь Локарт с его ядерными боеголовками в Украине, направленными против России... Как раз в тот момент, когда Америке так необходима помощь тандема.

Еще раз недовольно вздохнув, Уолберг принял решение –

с него хватит. Если Локарт хочет напрямую управлять страной, пусть делает это открыто. Есть процедура, по которой президент может передать ему власть вполне легитимным способом. Тогда вся ответственность будет на нем. Тогда пусть сам разбирается с русскими и китайцами. Он дотронулся до иконки на сенсорной панели своего рабочего стола и вызвал на связь министра обороны, который находился на базе ВМС в Сан-Диего.

– Дуглас, что вам известно про инцидент с ядерными зарядами в Украине? – после короткого приветствия осторожно спросил Уолберг.

– Похоже, ООН удалось предотвратить сделку по передаче ядерного оружия между двумя террористическими группировками, – чуть подумав, ответил Локарт.

– А у вас нет предположений о том, откуда заряды попали в Украину?

– Сэр, я уверен, после разоружения стратегических ядерных сил в мире еще остался не один десяток боеголовок, – уверенным тоном ответил министр обороны. – Возможно, контроль над некоторыми из них был утерян или они были украдены. Может, куплены террористами. В наше непростое время никто не упустит возможность заработать, чтобы хоть как-то обеспечить свое будущее.

– А если я скажу вам, что, по данным ооновцев, боеголовки, захваченные ими в Киеве, американские, – Уолберг взглянул в глаза спокойно смотрящему на него с экрана ми-

нистру обороны. – Что они сняты с ракет, которыми оснащаются наши стратегические бомбардировщики, и, согласно документам, находились в ядерном хранилище в Киртлэнд во время нападения на него группы наших офицеров.

– Это невероятно! – чуть подумав, ответил Локарт. – Невероятно... Но полностью нельзя исключать возможность того, что несколькими террористам с десятком зарядов удалось покинуть хранилище до обрушения купола. Хотя мы проверили всю систему тоннелей и не нашли там следов перемещения боеголовок. Не забывайте – на хранилище напали люди, работавшие там несколько лет. Вполне возможно, они каким-то образом смогли вывести заряды незаметно.

– Россия и Китай утверждают, что за нападением на Киртлэнд стоит верхушка Министерства обороны и ЦРУ, – стараясь придать своему голосу как можно больше твердости, проговорил президент. – Они утверждают, что боеголовки были переправлены в Украину для применения против России. Они говорят, что у них есть достаточно свидетельств, подтверждающих это.

– Это невозможно, сэр. Я полностью отвечаю за свое министерство, – с вызовом, но в рамках приличия ответил Локарт. – Хотя тот факт, что начальник базы ВВС Киртлэнд и его зам застрелились сразу после инцидента, может косвенно говорить о том, что они каким-то образом были причастны к нападению. Если и рассматривать теорию заговора с нашей стороны, то надо копать в ЦРУ. После нападения

наша контрразведка проводила свое независимое расследование. Я не помню деталей, но могу сказать, что за несколько недель до нападения на Киртленд по личному приказу директора ЦРУ была созвана особо секретная оперативная группа, специализирующаяся на работе с ядерными материалами и не раз успешно проводившая силовые операции на ядерных объектах по всему миру. После нападения на ядерное хранилище эта группа была распущена. Тогда мы не придали этому значения, но поставили членов группы на контроль. Около месяца назад, опять по прямому приказу директора Хастера, эта группа была собрана снова. Вам не кажется это странным?

– Черт возьми, Дуглас, почему вы мне об этом не сказали сразу? – возмутился президент.

– Прошу прощения, сэр, – Локарт уважительно склонил голову, – Но ЦРУ постоянно собирает какие-нибудь оперативные группы даже сейчас, когда активность агентства значительно снизилась. Мы просто не придали этому значения. Ведь мы работаем на одной стороне. Нельзя же подозревать всех. Хотя теперь, после крушения самолета Хастера и исчезновения его семьи...

– Семьи? – удивленно вздернув брови, переспросил Уолберг.

– Да, сэр. Директор Хастер проводил в Сан-Франциско совещание с группой офицеров разведки Седьмого флота. Можно сказать – был нашим гостем. Поэтому сразу после

падения самолета в океан мы взяли на себя скорбную миссию сообщить об этом его семье, но не смогли ее найти.

– Очень странно. Вы думаете...

– У меня нет оснований в чем-то обвинять руководство ЦРУ, но теоретически они могли вступить в сговор с руководством базы ВВС Киртлэнд, которое затем подбило молодых офицеров на мятеж. Нападавшим удалось похитить несколько боеголовок. После этого, опять же чисто теоретически, ЦРУ ликвидировало всех лишних свидетелей, переждало зиму и отправило боеголовки в Украину. Насчет цели похищения могу только строить предположения, но вряд ли они планировали использовать их против России. Скорее всего, просто хотели продать арабам и заработать на этом.

– Твою мать! – не сдержался президент.

– Хочу повторить, сэр, то, что я сказал, – просто предположения. У меня нет никаких, даже косвенных, доказательств или улик. Но теоретически все могло произойти именно так.

– Вся эта история слишком серьезна, чтобы ее рассматривать чисто теоретически, – Уолберг бросил на министра недовольный взгляд. – Вы говорили, что ваша контрразведка вела собственное расследование по Киртлэнд? Я бы хотел взглянуть на его материалы. И еще... Вы могли бы поручить контрразведчикам продолжить работу. Я предоставлю вашим следователям дополнительные полномочия, чтобы они получили доступ к документам и свидетелям любо-

го уровня в ЦРУ. Сделайте все возможное, чтобы докопаться до правды. Если боеголовки действительно наши, надо сделать все, чтобы оградить Америку от давления со стороны тандема и ООН. Очень важно, чтобы русские и китайцы узнали, что нападение на ядерное хранилище и доставка боеголовок в Украину – дело рук кучки сумасшедших заговорщиков из ЦРУ. А если вы найдете еще какие-нибудь заряды, украденные из Киртлэнда, и представите их ООН, я при всех станцую для вас хулу¹².

– Я сделаю все, что вы прикажете, сэр, – без тени сомнения, ответил Локарт. – Вы президент и главнокомандующий. Я ваш министр обороны.

Когда экран погас, Уолберг долгое время обдумывал последние слова министра. Что это было, подтверждение лояльности и отсутствия амбиций или скрытая издевка? Ему отчаянно не хотелось верить в то, что Локарт обвел его вокруг пальца, направив по следу, ведущему в ЦРУ. Ему хотелось верить в то, что Локарт и все его ведомство по-прежнему преданны и лояльны, а операция с ядерными зарядами – это задумка злобных агентов ЦРУ, всегда плетущих вокруг честных солдат свои темные липкие сети. «Да, скорее всего, так и есть», – подумал президент и с некоторым облегчением вздохнул.

В это же время в Сан-Франциско министр обороны Локарт уже инструктировал по видеоканалу директора Управ-

¹² Танец гавайских аборигенов.

ления контрразведки. Указания были предельно лаконичны и точны, потому что начальник и подчиненный уже давно знали, где и что искать.

Россия. Московская область. Ново-Огарево. Загородная резиденция Президента России

Когда-то, а министр иностранных дел Павлов отчетливо помнил это время, Первомай был всенародным праздником.

Обильно расцвеченные алым колонны демонстрантов на городских улицах и площадях. Первые чуть распутившиеся веточки берез в руках улыбающихся людей, повсеместное ощущение праздника, настроение радости и душевного подъема, маевки на природе с пахнущими дымком шашлыками и пенящимся пивом... А вечером скромное, но от этого не менее душевное застолье, собиравшее друзей и соседей за одним общим столом. Но больше всего запомнилось солнце. По-летнему теплое майское солнце, щедро согревавшее огромную любимую страну своим теплом.

Сколько ему было тогда, пятьдесят лет назад? Десять? Пятнадцать лет? Конечно, будучи мальчишкой, он больше интересовался военным парадом на День Победы, но все равно майские праздники были его любимыми после дня рождения и Нового года.

«Хорошо жили тогда. Просто. Понятно», – подумал министр, глядя в окно своего бронированного лимузина на блеклый, скорее, мартовский, чем майский подмосковный

пейзаж. Тогда была ясная цель. Одна на всех. Цель благородная, захватывающая своим размахом, влекущая какой-то всеобщей справедливостью и, самое главное, поддерживаемая большинством. Были и те, кто мешал достижению цели, кто хотел остановить великий советский народ в его стремлении к справедливости. С ними тоже все было ясно – они были врагами, вполне конкретными, осязаемыми врагами со своими президентами, армиями, разведками и коварными кознями. И с этими врагами велась открытая война, пусть по большей части холодная, но – война. А на войне, опять же, все предельно ясно: ты либо союзник, либо враг, либо соблюдаешь нейтралитет. Союзникам помогают. С врагами борются. Нейтральных до поры до времени терпят.

Просто все. Понятно.

Потом как-то резко весь этот привычный и в общем комфортный мир затрещал по швам и начал разваливаться. За десять с небольшим лет великая страна рассыпалась на куски, как брошенная на асфальт тарелка из дорогого фарфора. Люди разбежались по своим каморкам, притихли. Куда-то пропал размах, ощущение причастности к большому, общему делу. Чувство правоты и справедливости сменилось сомнениями, боязнью и стеснением. Гордость народа-победителя за свое прошлое незаметно переросла в непонятный стыд. Враги стали «партнерами», которым с готовностью были отданы на растерзание союзники и друзья, десятилетиями доказывавшие свою преданность. Пропала великая цель,

почти столетие двигавшая страну вперед. Вместо нее появились лишь интересы, да и те были четко очерчены новыми «партнерами».

Но самое главное происходило не на улице. Самое главное происходило в головах и сердцах людей. Вековые моральные устои, закреплённые почти на генетическом уровне, стали методично размываться тонко спланированной культурной и идеологической экспансией Запада. В рамках новых «демократических» ценностей девальвировались понятия добра и зла, справедливость стала выборочной, толерантность возводилась в абсолют. Появились новые ориентиры в виде гигантской медной статуи с поднятым над головой факелом и зеленой бумажки с портретом американского президента.

Когда-то сильный духом великий народ-победитель, как восковая свеча, поставленная слишком близко к очагу, стал медленно плавиться и отекать, превращаясь в нечто бесформенное, липкое, бесполезное.

Что смогло остановить этот набравший скорость и огромную инерцию процесс? Появление нового самостоятельного мощного лидера? Война на Кавказе? Крым? Сирия? Украина? Когда Россия вновь осознала, что она – РОССИЯ? Что брошенные друзья все еще друзья, а новые «партнеры», просто хорошо замаскировавшиеся старые враги. Когда пришло понимание того, что справедливость в этом мире у каждого своя и что свою справедливость надо защищать? Когда стало ясно, что медной вашингтонской бабе с факелом и

улыбающемуся с зеленой бумажки масонскому президенту не переписать заложенный тысячелетней историей генетический код, а интересы и ценности, подсказываемые западными «партнерами», не имеют ничего общего с национальными интересами, сбившейся с пути, но все еще великой страны.

Не сразу вернулась Россия в определенную ей историей колею. Не сразу...

Тринадцать лет назад был даже момент, когда мир вплотную подошел к большой войне, когда западные «партнеры» поняли, что россиян не переломить и что они готовы идти до конца, чтобы отстоять свои справедливые интересы. Да, это произошло тринадцать лет назад. Тогда мир окончательно понял, что заявившие о своей исключительности США считают себя глобальным гегемоном и действуют без оглядки на международное право и что именно Россия – единственная страна, способная этому противостоять.

Напряжение тех лет запомнилось хорошо. Спецоперация на Украине. Санкции, грязная информационная и экономическая война, беспрецедентное политическое давление, резкое увеличение активности НАТО в Восточной Европе вплоть до размещения там ядерного оружия. Тогда казалось, что мир катится под откос и конфликт Запада с Россией уже не остановить, что США, надеясь отсидеться в тишине и комфорте за океаном, приняли окончательное решение развязать в Европе новую большую бойню, чтобы она в очередной раз вытащила их экономику из неумолимо надвигающе-

гося кризиса.

Но что-то пошло не так, как планировали в Вашингтоне. Вначале Москва не позволила украинским нацистам, пристроившимся под американским крылом, расправиться с русскими в Крыму и на Донбассе. Потом была успешная операция российских ВКС в Сирии и повергшая Запад в панический ужас демонстрация на практике новых вооружений и полной готовности их использовать. Потом возвращение Крыма. И после долгих попыток решить вопрос миром – ввод войск ан Украину.

В тот момент многие считали войну России и НАТО неизбежной. И тут сквозь вопли и стенания западных политиков и обслуживающих их СМИ в Европе начали прорезаться разумные голоса.

Вначале один из, казалось бы, не имеющих реального политического веса европейских монархов заявил в телеинтервью, что Россия, несмотря на все различия, является естественным стратегическим партнером Европы и что конфликт Запада с Россией станет для Европы погребальным костром, на котором США с радостью погреют руки. Это смелое заявление наделало много шума на фоне жесткой антироссийской пропаганды, но в поддержку этой позиции открыто выступили несколько глав правительств Евросоюза. Австрия, Венгрия, Италия, Испания, Португалия. Даже Ватикан заявил, что для того чтобы сохранить мир в Европе, ЕС надо немедленно взять курс на восстановление отно-

шений с Россией. Что удивительно, и Англия сопротивлялась совсем недолго после того, как король однозначно выступил против дальнейшей конфронтации. Только, полностью контролируемый Вашингтоном, канцлер Германии, игнорируя интересы страны, занимал однозначно жесткую, русофобскую позицию. Но вскоре сдалась и он, после того как в прессе появились сообщения о том, что США манипулируют немецкой верхушкой, используя компрометирующие материалы личного характера, собранные АНБ за время многолетней слежки.

В то время создавалось устойчивое ощущение, что, вопреки воле США, Европу кто-то подталкивает на сближение с Москвой, потому что никакого другого значимого повода для столь резкого изменения позиции в отношении России не было.

Мир сильно изменился за эти двадцать лет. Постепенно ослабла Америка, поднялись новые мировые лидеры Китай и Россия, был создан и укреплялся БРИКС – мощный экономический блок, постепенно оттягивающий на себя большую часть стран, некогда жалким хвостом волочившихся за США, и вернувший ООН утерянное в начале века влияние. Затем была глобальная финансовая катастрофа, накрывшая мир после введения нового доллара и фактически уничтожившая достижения последних десятилетий в экономиках развитых стран. И, наконец, удар китайцев по Америке, вызвавший извержение Йеллоустона и мегацунами. Удар же-

стокий, беспощадный, но так необходимый, чтобы поставить точку в коротком историческом отрезке, на котором Штаты превратились в мирового палача, не использовав шанс стать настоящим, честным, уважаемым всеми лидером.

Теперь, когда всплыла информация о программе «Аризона» и завершился процесс стратегического ядерного разоружения, стало ясно, что нанесение непоправимого ущерба Америке было единственным правильным решением. США, стремительно теряющие политическое и экономическое влияние в мире, планировали укрыть в подземных городах-убежищах около миллиона избранных американцев, а затем развязать глобальную ядерную войну. Поэтому они представляли прямую и явную угрозу всей человеческой цивилизации. Не человечеству как виду, ведь политики в Вашингтоне планировали, что сохранившиеся в убежищах американцы дадут начало новой расе мировых господ, а именно цивилизации, которая на крови и страданиях десятков миллионов человек медленно, кирпичик за кирпичиком строилась на протяжении последних пяти тысяч лет.

«Что ж, у Америки был шанс, – с каким-то внутренним безразличием подумал Павлов. – Теперь он есть у нас и у Китая. Как бы его не упустить». Слишком гладко идет и разоружение, и формирование нового статуса ООН. Если бы не инцидент с боеголовками в Киеве, можно было бы подумать, что США смирились со своим положением и пытаются встроиться в новую систему международной безопасности.

Странно это. Не по-американски.

После короткой проверки на центральном КПП лимузин вкатился на неширокую аллею и через несколько минут притормозил у парадного входа в резиденцию.

Через минуту Павлов вошел в малый каминный зал, где, сидя в глубоких кожаных креслах за небольшим чайным столиком из карельской березы, уже беседовали глава государства и председатель ФСБ Лукин.

– Добрый день, Алексей Константинович, – президент бодро встал из-за стола и первым протянул министру руку. – Что-то вид у вас очень задумчивый. Какие сомнения терзают?

– Да вот, пока ехал сюда, все мысли разные в голову лезли. О прошлом. О будущем, – министр опустился в кресло и налил из начищенного до зеркального блеска самовара чаю. Крепкого, пахнущего лесными травами, как любил хозяин резиденции.

– Прошрое уже прошло, его не вернешь и не исправишь, – философски заметил президент. – А о будущем мы сейчас и поговорим. Что там интересного родили американцы по поводу доставки своих боеголовок в Украину? Как они выпускаются на этот раз?

– Мы получили от госсекретаря их официальную версию. Я бы сказал, что она несколько отличается от стандартных отмазок и по содержанию, и по выводам, и по предпринятым мерам, – Павлов чуть наморщил лоб, еще раз обдумы-

вая пришедшую из Америки информацию. – Во всяком случае, это не стандартное «мы тут ни при чем».

– Еще бы. Мы их конкретно прихватили за горло, – недобро хмыкнул председатель ФСБ. – Да еще при помощи ООН. От этого так просто не отмажешься.

– Вы правы, Олег Иванович. Вы правы... Тем интереснее становится их позиция по инциденту в Киеве. Вот послушайте, – Павлов развернул гибкий экран планшета и, пробежав глазами по странице, продолжил: – Я пропущу вступление. Основное – это то, что в результате проведенного тщательного расследования выяснилось, что нападение на ядерное хранилище на базе ВВС Киртленд было хорошо спланированной операцией, проведенной одной из вышедших из-под контроля боевых групп ЦРУ совместно с начальством базы с целью завладеть ядерными зарядами.

– О! Это действительно что-то новое, – удивленно вскинул брови президент.

– По данным расследования Министерства обороны, ядерные заряды предполагалось продать на Ближнем Востоке, – продолжил министр. – Расследование подтвердило, что операция была спланирована и осуществлена без санкции руководства ВВС США или руководства ЦРУ. В настоящее время все участники группы установлены и объявлены в розыск. Материалы по ним, а также все материалы следствия будут переданы в ООН, Интерпол и органы безопасности России и Китая. США еще раз подчеркивают, что нападе-

ние на ядерный центр в Киртленд было совершено обособленной группой вышедших из-под контроля оперативников, придерживавшихся радикальных взглядов, по сути, – террористов, тайно действовавших внутри ЦРУ.

– Все-таки не удержались от террористов, – укоризненно покачал головой Лукин.

– Слушайте дальше. В результате расследования удалось выяснить место хранения еще четырех ядерных зарядов, похищенных террористами. Министерство обороны США предлагает ООН провести совместную операцию по их захвату.

– Вот это здорово! – оживился директор ФСБ. – Мало того, что они сдали своих, так еще и для убедительности приложили вещдоки. Поучаствуем в захвате! Конечно, поучаствуем!

– И еще... Как вам это? – Павлов чуть заметно улыбнулся. – Учитывая, что в новых условиях США не нуждается в глобальной разветвленной разведывательной сети, принято решение упразднить Центральное Разведывательное Управление.

– Ха... Ха... Ха... – с вполне серьезным видом выдал президент. – Кто бы поверил... Что вы думаете по поводу этой шутки, Олег Иванович?

– Решение по ЦРУ, конечно, довольно неожиданное, – председатель ФСБ откинулся на спинку кресла и в раздумье помял подбородок: – Здесь надо дождаться конкретных дей-

ствий. Одно ясно – американцы не могут финансировать, а главное, контролировать ЦРУ в тех масштабах, в которых это делалось до катастроф. Это касается и всех других разведслужб, включая таких монстров, как АНБ. Хотя то, что у них нет денег, итак ясно всем. Логично было бы радикально сократить разведсообщество и объединить наиболее эффективные и дееспособные его компоненты в одну-две узкоспециализированные структуры. Скорее всего, они это уже давно спланировали. Просто сейчас под шумок операции в Киеве представляют это как жест доброй воли.

– Вполне возможно, так и произойдет, – медленно кивнув, согласился президент. – Итак, что мы имеем... Штаты признали, что боеголовки из Киева принадлежат им. Они признали, что нападение на Киртленд спланировали некие элементы внутри их ВВС и ЦРУ. Они провели расследование и нашли еще какую-то часть боеголовок. Они готовы передать нам материалы расследования, хотя шансы, что мы найдем тех, кто участвовал в операции, стремятся к нулю. Они решили расформировать ЦРУ и, скорее всего, оптимизировать оставшиеся разведструктуры. Это все хорошо. Но... Они утверждают, что боеголовки были доставлены в Киев для продажи арабам, а не для удара украинцами по России. Остается шанс, что они передадут нам не все боеголовки, украденные из ядерного центра. И, самое главное, они отрицают, что операция в Киртленде была санкционирована на самом верху. Так какие выводы, господа?

– То, что они открыто признали участие в операции ЦРУ и ВВС, передали нам результаты расследования, пригласили к совместной операции по захвату оставшихся боеголовок, в общем, проявляют необычную открытость и готовность к сотрудничеству, подтверждает, что Штаты пытаются всеми силами сгладить ситуацию и избежать конфликта, – сделал вывод министр иностранных дел.

– А какие, собственно, у них есть еще варианты? – разведя руками, удивился Лукин. – Факты налицо. Тут не отвертись.

– Ну... Они могли бы просто сослаться на террористов и все, – пожал плечами Павлов. – Тогда дело было бы передано в ООН, а дальше, скорее всего, конфликт, санкции, и – прощай разоружение.

– Это верно, – согласился председатель ФСБ. – При излишнем давлении Штаты могут встать в позу. Тут палку перегибать нельзя. Во всяком случае, пока мы не доведем процесс тактического ядерного разоружения до конца.

– Все это так, – президент обвел собеседников задумчивым взглядом. – А знаете, какие выводы из всего этого делаю я?... Америка по-прежнему остается реальной угрозой. Она будет использовать любую возможность, чтобы взять реванш. И неважно, на каком уровне этот реванш будет санкционирован, на уровне президента, на уровне министерств, или на уровне их подразделений, рабочих групп, или на уровне отдельных маньяков. Это все неважно. Важно то, что,

пока у власти в Америке находятся люди, помнящие вкус исключительности, вседозволенности и всесилия, они не останутся ни перед чем, чтобы вернуть себе утерянный статус сверхдержавы. Даже ценой уничтожения половины человечества, включая своих собственных граждан. Лэйсон с ее сумасшедшей идеей глобальной ядерной войны и создания из выживших в убежищах американцев новой цивилизации тому яркий пример.

– Да, имперский синдром приходит быстро, а для того, чтобы расстаться с ним, требуются поколения, – поддержал президента Павлов. – Англичане не могут от него избавиться уже почти сто лет.

– Из понимания этого и должны исходить наши дальнейшие действия, – продолжил глава государства. – Нам надо помочь Америке в создании новой элиты, способной вписаться в строящуюся архитектуру международных отношений. Нужно создать лояльную политическую и деловую верхушку, лишенную агрессивности по отношению к нам и поддерживающую ООН.

– И прежде всего, нам нужен новый лояльный лидер США, который сможет под себя подобрать вменяемую команду, думающую о том, как восстановить Америку, а не о том, как отомстить Китаю за катастрофы, – продолжил мысль Лукин.

– Именно, – подтвердил президент.

– Еще до зимы в Канаде мы провели предварительную ра-

боту по созданию вокруг Роберта Митчела, капитана «Кентукки», организации, способной перерасти в серьезную политическую силу, — напомнил Павлов. — Правда, первоначально эта сила планировалась как дестабилизирующий фактор и еще один элемент давления на Лэйсон, чтобы подтолкнуть ее к принятию правильного решения по стратегическому разоружению. Теперь, когда ситуация с разоружением развивается по плану, Митчела можно использовать в качестве кандидата в президенты. Надо только еще раз оценить его потенциал и внимательно посмотреть вокруг, может быть еще какой-нибудь достойный кандидат.

— Все верно, — резюмировал президент. — Зима закончилась, господа, пора восстанавливать в Америке так любимые ими демократические процессы.

США. Нью-Мексико.

Секретная база Далси

До катастроф Дуглас Локарт не планировал надолго задерживаться в Пентагоне, поэтому должность заместителя министра обороны, на которой он рассчитывал побыть несколько лет, его вполне устраивала. При минимуме ответственности она давала наработать контакты с военными, разведсообществом и профильными комитетами Конгресса для дальнейшего развития карьеры. Но после падения корейских модулей гражданская карьера пошла прахом, как, впрочем, и все остальное.

Лавина трагических событий захлестнула страну, и он оказался в самом ее центре. Извержение Йеллоустона, цунами, накрывшее восточное побережье, десятки миллионов погибших, больше сотни миллионов беженцев, переворот адмирала Брэдока, устранение президента Алверо, кровавое подавление мятежа сепаратистов на западе и, наконец, приход к власти Лэйсон, которая назначила его министром обороны. Затем вторжение в Канаду, подготовка к ядерной войне и применение китайцами «эффекта» в Санта-Фе. То, что случилось за несколько месяцев четыре года назад, сложно было даже уместить в голове, не то что осмыслить и проанализировать.

Впрочем, несмотря на состояние шока, периодически переходящего в панику, несмотря на бессонные ночи и постоянную, сбивающую с ног усталость, несмотря на боль и безысходность, навалившуюся сразу после катастроф и не отступавшую несколько следующих месяцев, работать и добиваться результатов все же удавалось.

В то время принимать решения было проще. Все тогда трудились в режиме максимального напряжения. Те, кто сдавался или не выдерживал бешеного темпа, просто уходили. Все делалось быстро, без нудных обсуждений и волокиты. Главное было спасти как можно больше людей. Любыми способами вывести их из зон удара цунами и пепельных осадков. Да, в спешке совершались ошибки. Он сам мог насчитать десятков решений, которые можно было бы переиграть и сохранить больше жизней, сэкономить больше ресурсов и времени. Но тогда было не до тонких расчетов и анализа. Тогда надо было действовать быстро, решительно и по возможности эффективно.

А сейчас... Министр обороны взглянул на экран, на который были выведены последние сводки по ситуации в стране, для подготовки к совещанию. К очередному совещанию.

Америка только пережила жесткую вулканическую зиму. Пережила лучше, чем можно было ожидать. Продуктов и воды хватило всем. Недостающие убежища для беженцев, пусть довольно простенькие, но способные укрыть от холода, были построены с помощью материалов, предоставлен-

ных Китае и Россией. Потерь среди населения было гораздо меньше, чем в базовом прогнозе. Эпидемия, захлестнувшая страну, с наступлением зимы почти сошла на нет. Ситуацию можно было назвать стабильной. Стабильно плохой, но стабильной. И разруху никто не отменял. Даже ущерб от катастроф и холодов еще не был полностью подсчитан. Около сотни миллионов человек все еще ютились во временных лагерях. Армия напрягла последние силы, чтобы сохранить порядок и вместе с *FEMA* организовать восстановительные работы на разрушенных территориях. Дел было столько, что не хватало часов в сутках. И как раз в это время оживился скромно молчавший до этого Конгресс. Стали создаваться комиссии, комитеты, наблюдательные советы. И потянулась череда совещаний и слушаний...

Иногда Локарт думал, что адмирал Брэдок бы прав. В такое время стране нужна предельная концентрация власти, при которой можно быстро принимать решения и брать за них ответственность. Такая власть вполне могла бы состояться в этих условиях, ведь чрезвычайных полномочий, данных президенту Конгрессом, никто не отменял. Но дело было в том, что Уолберг был тряпкой. Он по привычке старался понравиться всем и играл в привычную игру компромиссов и полумер, старясь размыть ответственность в череде бесполезных совещаний. Нет, он был вполне хорошим, душевным человеком и приятным собеседником. Но время для бесед прошло пять лет назад.

Слава богу, Локарту пока удавалось избежать нарастающей бюрократической кутерьмы. Все-таки именно армия сейчас контролировала страну, и все относились к этому с должным уважением, но было заметно, что немногие оставшиеся в Министерстве обороны чиновники стали понемногу втягиваться в привычный им докризисный бюрократический круговорот.

От этих грустных размышлений министра обороны отвлек интерком.

– Сэр, у нас на линии Роберт Крац, – сообщил помощник.

– Крац? – удивленно переспросил Локарт. – Черт возьми, я о нем не слышал с того момента, как с ним случилась истерика в Центре контроля *NORAD*. Где он сейчас?

– Вы можете сами с ним поговорить, – предложил помощник.

– Не уверен, что я хочу этого. Пользы будет мало, а вот проблем своих он на меня выплеснет целое ведро.

– Он говорит, что обладает информацией уровня *SEO*¹³.

– Хм... Что бы это могло значить? – министр на секунду задумался. – Ладно, давай его на линию. Никто не знает, что у него на уме. Все-таки был пару лет министром обороны при Алверо.

На столе завибрировал смарт. Локарт некоторое время смотрел на него, все еще сомневаясь, стоит ли разговаривать

¹³ англ. *Sensitive eyes only* – гриф секретности, которым помечаются документы, предназначенные только для президента США.

со своим предшественником, но затем коснулся иконки, открывающей канал связи.

– Дуглас! Дуглас! Спасибо, что э... принял звонок. Я знаю, что ты занят, но у меня информация э... чрезвычайной государственной важности, – не поздоровавшись, скороговоркой затараторил Крац.

– Роберт, рад тебя слышать. Где ты был все это время?

– Где был, где был... Речь не обо мне. У меня информация, касающаяся национальной безопасности Америки.

«Дерьмово. Наверно, совсем съехал с катушек», – подумал Локарт, но вслух сказал:

– Если национальной безопасности, тогда – выкладывай.

– Ты что, это ведь не закрытая линия, во всяком случае, с моей стороны. Я не могу вот так прямым текстом выложить в эфир государственный секрет.

– Какого уровня информация? – переспросил министр.

– Президентского уровня. Э-э... Про это знали только я и Алверо.

– Хорошо, – вздохнул министр обороны, решив не гадать, что там такое знает его предшественник. – Ты где находишься?

– Я... Я... Э-э... Ты хочешь выслать за мной вертолет?

– Нет, черт возьми, все вертолеты заняты на восстановительных работах. Я хочу послать за тобой машину. Она отвезет тебя в ближайший региональный оперативный армейский штаб. Там есть надежная связь и мы сможем погово-

ритель.

– Но вертолет... Безопасное место... Беседа с глазу на глаз.

– Нет, Роберт, вертолета не будет. Ты где?

– Я все еще на базе Петерсон, – разочарованно буркнул бывший министр обороны. – Генерал Шелби любезно предоставил мне место в канцелярии базы.

– Твою мать... – вслух выругался Локарт, представив, каким шоком это все обернулось для привыкшего к вашингтонской роскоши Краца. – Хорошо. Я позвоню Шелби и организую связь. Жди.

Через минуту командующий значительно оскудевшим *NORAD* генерал Шелби рассказал, что по прямому приказу Коэна министр обороны Роберт Крац был изолирован сразу после атаки корейских модулей, так как хотел нанести по Северной Корее ответный удар с последующей оккупацией страны. В круговороте событий, следовавших за падением модулей, Шелби вспомнил о нем только через неделю, когда стала очевидна колоссальная степень разрушений от цунами и Йеллоустона. Он созвонился с Коэном, но тот посоветовал придержать министра обороны на базе, боясь, что тот будет негативно влиять на все больше впадающего в депрессию президента Алверо. Потом случился переворот адмирала Брэдока, мятеж западных штатов и приход к власти Лэйсон, которая назначила министром обороны Локарта. Что делать с Крацем, было непонятно. Шелби решил его отпу-

стить, но так как полстраны было разрушено, кругом царил неимоверный хаос, а бывшему министру обороны некуда было идти, он попросился остаться на базе Петерсон, которая была одним из самых безопасных мест в то беспокойное время. Когда выяснилось, что там будет развернут ресурсный комплекс, Шелби из жалости к униженному и беспомощному Крацу дал ему должность в управлении складами, где он с примерным усердием и проработал до окончания вулканической зимы.

«Печальная история», – подумал про себя Локарт, слушая доклад командующего *NORAD*. Но Коэн, конечно, был прав. Нельзя было в то время допускать Краца к президенту. Он имел на него сильное влияние потому, что был не только его доверенным лицом, но и любовником. Он вполне мог убедить Алверо начать войну с Кореей. Кто знает, чем бы это тогда закончилось.

Бывший министр обороны ничего не говорил Шелби о сути информации, которой он хотел поделиться с Локартом, но генерал утверждал, что звучал он очень убедительно, хотя и был сильно взволнован. В общем создавалось впечатление, что он действительно знает что-то важное.

Когда в одном из окон настенного интерактивного экрана появился Крац, министр обороны с трудом подавил вздох сострадания. От вашингтонского лоска и изысканности не осталось и следа. На него потухшим взглядом смотрел плохо выбритый, уставший человек с длинными маслянистыми

спутанными и изрядно поредевшими волосами. Общую картину депрессии усугублял легкий нервный тик правого века, который Крац пытался всеми силами подавить, щуря глаз. От этого его неухоженное лицо приобретало немного злое и даже угрожающее выражение.

– Роберт, черт возьми, что творится у Шелби на базе? Я не говорю о парикмахере, но у вас что, нет горячей воды, мыла и бритвы? – не скрывая раздражения, спросил Локарт.

– Горячей воды нет, – безразлично отмахнулся Крац. – Энергии с трудом хватает для питания систем обеспечения *NORAD*. У нас несколько своих скважин, так что вода есть. Но греют раз в неделю. А на базу набилось больше десяти тысяч человек. Тут разместился локальный армейский центр обеспечения и реабилитации. А ведь база рассчитана максимум на три тысячи. Да... Поэтому приоритет отдается военным, раненым, больным... А гражданские моются раз в две недели.

– Извини, – хмуро пробормотал министр обороны, невольно потрогав свой чисто выбритый подбородок. – Это был глупый вопрос. Такая ситуация почти на всех базах, а в лагерях беженцев еще хуже.

– Знаю, – обреченно вздохнул Крац. – Я не жалуюсь. Я даже думаю, что мне повезло. Если бы не Шелби, я давно бы сдох где-нибудь от холода или болезни.

– Ладно, хватит о грустном. Выкладывай, что у тебя.

– Э... Информация топового уровня доступа, – бывший

министр обороны заметно занервничал. — Лучше, если я расскажу при личной встрече.

— Роберт, — Локарт, нахмурившись, поймал умоляющий взгляд собеседника. — Ты видишь, что творится в стране. У меня каждая минута расписана, я уже отложил кучу срочных дел, чтобы поговорить с тобой. Это защищенный канал Министерства обороны, так что можешь говорить спокойно.

— Хорошо, — Крац разочарованно вздохнул, воровато посмотрел по сторонам и чуть понизил голос. — Но все равно, когда ты узнаешь, о чем идет речь, нам надо будет встретиться, чтобы обсудить детали. Кроме исполнителей, я, наверное, единственный, кто владеет информацией.

— Конечно, но может быть немного позже. Давай, выкладывай свои тайны.

— Ты знаешь о существовании Специальной секции Президентского архива?

— Только слухи. К Президентскому архиву доступ у меня есть, а вот о том, что существует его особо засекреченная часть, доступ к которой имеет только сам президент, разговоры ходят давно.

— Так вот, эта особо засекреченная часть называется Специальной секцией и она действительно существует. Там забита такая информация, хранятся такие сокровенные тайны последних ста лет существования Америки, что волосы встают дыбом. То дерьмо, что туда закачано, может изменить историю. Кроме президента, доступ к ней в каждой админи-

страции имеют единицы, да и то не полностью, а к отдельным файлам. Вся эта хрень написана на карте памяти наноформата и передается лично от президента президенту. Фостер и Алверо носили карту в перстне. Лэйсон – на шее в кулоне. Президенты обязаны иметь ее постоянно при себе. А ты знаешь, где Специальная секция сейчас?

– Понятия не имею, – пожал плечами, признался Локарт. – Наверно, Уолберга. Он ведь президент. Хотя у него я видел только университетский перстень.

– А ты постарайся выяснить, – хитро улыбнулся Крац: – Насколько я знаю из новостей, сразу после смерти Лэйсон рядом с ней находился Коэн, который на то время оказался самым старшим функционером Администрации в Санта-Фе. Он до принятия полномочий Уолбергом некоторое время выполнял обязанности президента. Если он знал о существовании Специальной секции, то наверняка забрал кулон с нанокартой себе, если нет, то кулон все еще находится на Лэйсон. Напомню, что позже Коэн при странных обстоятельствах покинул страну. Есть еще один вариант. Кулон с носителем мог забрать Уолберг, но я в это не верю. Он человек новый, не входил в круг доверия Лэйсон и не был посвящен в такие сокровенные тайны. Как и ты, Дуглас. А Коэн наверняка был, ведь он протеже Кроуфорда, который привел Лэйсон к власти и был ее доверенным лицом и советником.

– Значит, тайная часть архива существует... – задумчиво пробормотал министр обороны. – Могу представить, какая

информация там хранится.

– Нет, Дуг, не можешь. Не всякий фантаст смог бы. Специальная секция может стать гибелью или спасением Америки, поэтому чрезвычайно важно, чтобы ты знал, где она находится. Ты руководишь армией, которая контролирует страну, значит, ты фактически руководишь страной и вся ответственность на тебе. Уолберг так – ширма. Я вообще думаю, что носитель такой важной информации должен храниться у тебя.

– Хм... – Локарт озадаченно потер подбородок. Ему меньше всего сейчас хотелось ввязываться в политические игры, связанные с накопленными столетиями страшными тайнами Америки, но он понимал, что Специальная секция должна содержать критически важную для безопасности страны информацию, поэтому надо было срочно установить ее местонахождение. – Спасибо, Роберт, твоя информация чрезвычайно важна и я займусь ей в приоритетном порядке. Что я могу для тебя сделать?

– Ничего, – Крац как-то скромно опустил глаза. – Мне тут вполне комфортно. Жизнь понемногу налаживается, а обратно в политику я лезть не хочу. Да и какая сейчас политика...

– Тогда еще раз спасибо. То, что ты мне рассказал, действительно очень важно.

– Не спеши, – бывший министр обороны с вызовом взглянул на собеседника. – Специальная секция важна, но наш

разговор не об этом.

– А о чем, черт возьми? – удивился Локарт.

– О том, что мы стоим на пороге войны с Китаем и Россией. Механизм запущен. Отсчет идет. Времени осталось совсем мало. У нас есть шанс отомстить за разрушенную страну и миллионы погибших американцев.

– Твою мать! Да когда же это все закончится! – не сдержавшись, выругался министр, но увидев вопросительный взгляд Краца, быстро взял себя в руки. – Какая война? О чем речь, Роберт?

– А ты послушай. В начале века мы запустили какой-то охрененно секретный проект, который должен был радикально сократить население Земли. Деталей я не знаю, но этот проект как раз был в Специальной секции Президентского архива. Из того что мне рассказал Алверо, речь шла о генетическом оружии, примененном на глобальном уровне. Но основной целью, конечно, был Китай. Так вот, то ли произошла утечка информации, то ли Алверо думал, что рано или поздно китайцы прознают о проекте, но он предполагал, что Китай нанесет по Америке ответный удар сокрушительной силы. То, что это будет не открытый военный удар, никто не сомневался, однако его природу на то время определить было невозможно. Теперь мы видим, что китайцы выбрали простой, дешевый и чертовски эффективный способ. Удар с орбиты по критическим точкам. По Йеллоустону и вулкану в Атлантике, от которого пошло цунами. Алверо не

знал, выживет ли Америка после китайского удара, в состоянии ли она будет адекватно ответить или нет, поэтому запустил проект, обеспечивающий в автоматическом режиме нанесение Китаю и России ответного неприемлемого ущерба. Что-то вроде русского «удара из могилы», того, что они планировали нанести в случае поражения в ядерной войне.

– Дай догадаюсь. Алверо припрятал десяток ядерных ракет? – снисходительно улыбнулся Локарт. – Или нет... Еще круче. Он скрыл от русских ударную ядерную субмарину. Роберт, поверь мне, он был далеко не первый, кому пришла в голову такая идея. Посмотри вокруг. Мы разоружились, а это значит, что война на уничтожение с тандемом невозможна и десяток боеголовок или одна пусть даже самая современная субмарина этого не изменит. Да, мы нанесем какой-то ущерб. Да, отомстим. Но Америка после этого перестанет существовать. Это не выход. У нас сейчас нет средств, чтобы нанести критическое поражение Китаю и России и при этом избежать уничтожения Америки.

– Ошибаешься, Дуглас, такие средства есть. И речь идет не о ядерном ударе. Как я уже сказал, обратный отсчет уже запущен. Именно об этом, а не о Специальной секции я и хотел с тобой поговорить.

Фиджи. Остров Вити-Леву. Сигатока

Глядя на то, как Росс потихоньку накачивается дешевым местным алкоголем, Коэн уже начал жалеть, что принял его предложение зайти в этот простенький бар рядом с портовой зоной. Вчера вышел из строя один из генераторов, и они решили спуститься с долины в Сигатока, чтобы отдать его в ремонт, а за одно пропустить по рюмочке и послушать последние новости и сплетни, в изобилии пересказываемые моряками в портовом кабачке.

Оставив генератор в одной из мастерских, расположенных прямо в зоне грузовых доков, они заскочили в этот хорошо знакомый им бар, один из немногих оставшихся на плаву после долгой холодной зимы. Здесь Росс зацепился за пару матросов с пришедшего недавно в порт малазийского танкера, идущего с грузом нефтепродуктов в Латинскую Америку и по пути остановившегося в Сигатока, чтобы пополнить местные опустевшие хранилища.

Не выдержав напора, малазийцы сдались быстро и теперь сидели рядом с Россом, с виноватым видом поглядывая на него осоловевшими от алкоголя глазами. А тот, видимо, решив свалить их окончательно, подливал им в стаканчики местную муть и продолжал травить похабные анекдоты, за-

ставляющие густо краснеть единственную в заведении молоденькую официантку.

– Росс, пошли отсюда. Еще полудня нет, а ты уже перебрал. Что скажет Джил? – Коэн в который раз подергал приятеля за рукав. – И что ты прицепился к молодняку. Они ведь не дойдут до судна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.